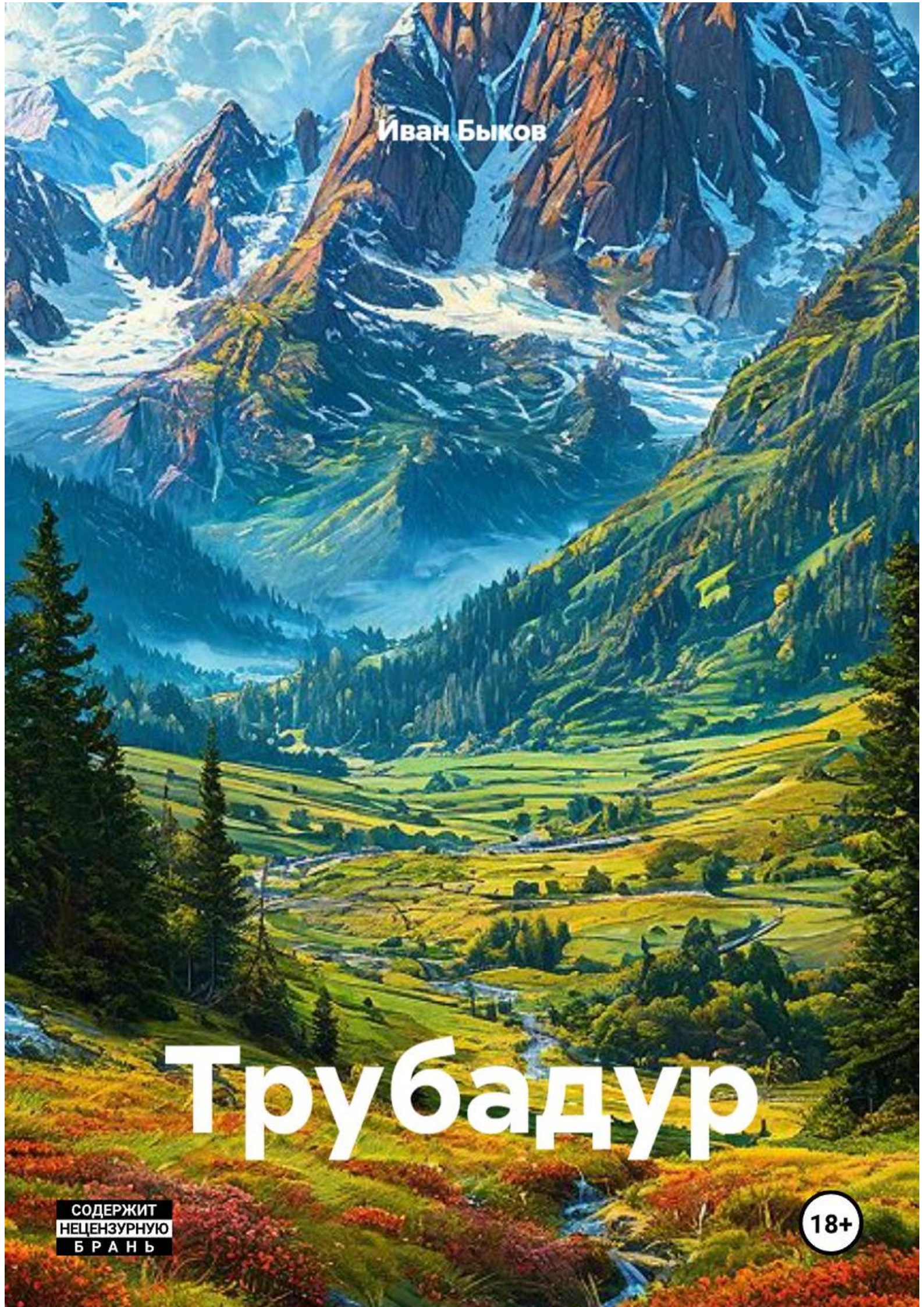




Иван Быков

Трубадур

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Трубадур

«Автор»

2026

Быков И.

Трубадур / И. Быков — «Автор», 2026

Первая часть фэнтезийного триптиха-саги. Сага равнины. Равнина, что раскинулась вдоль Немого хребта. Равнина, где сбываются мечты, где пересекаются миры. Равнина, что рассечена надвое Радужной Стеной. Равнина, где слово весит больше, чем золото, и может быть опаснее, чем нож. Пусть читатель сам решает, что такое сага равнины: плач о безысходном будущем или жизнеутверждающая песнь о высоком предназначении человека. «Трубадур», «Жрец», «Военком» — три части одного целого.

© Быков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Быков

Трубадур

Трубадур
(книга первая)

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив верный путь во тьме долины...*
Данте Алигьери. «Божественная комедия»

*Последнюю свободу узнают лишь
последние времена.*
Николай Бердяев. «Смысл творчества»

1.

Надежда умирает последней. Так говорят люди. Неправду говорят. Не умирает надежда. Особенно в пути. В долгом опасном пути по тем землям, в которых никогда не был, о которых лишь слышал в древних песнях от бродячих сказителей; по тем землям, о которых сам пел на площадях и в тавернах. Как можно потерять надежду в пути, если только она одна и ведет тебя к сказочной цели? Это все равно что лечь и умереть – отдать себя на растерзание палящему солнцу, вездесущему голоду, случайным мародерам и диким псам.

За мучительные километры пути время перестало быть осязаемым, перестало распадаться на составляющие части. Черные ночи и белые дни растушевались, расплзлись в сплошной серый тон. Время превратилось в расстояние, а расстояние он измерял людьми, поселениями, песнями – сочиненными или услышанными, едой, кружками эля, схватками, ожогами, ранами, Шлюхами и редкими драгоценными книгами. И всего этого было пройдено предостаточно. Предостаточно для смерти целого десятка надежд. Если бы надежда могла умереть – не важно, первой или последней. Но надежда все-таки не умирает.

Тряпица, в которую он прежде заворачивал хлеб и которую использовал как скатерть, была разорвана на лоскуты и теперь стягивала голень его левой ноги. Эта ненадежная повязка почернела от пыли и заскорузла от крови. Ступать на поврежденную ногу было больно, каждый шаг становился преодолением. Таблетки и мази от Лекаря кончились так некстати. Вряд ли кратковременный привал и скудная еда подарят хоть какой-то отдых, но если не сделать остановку, то последние силы иссякнут и никакая надежда не спасет путника – его одинокий путь закончится здесь.

Поэтому, едва найдя среди загорелых за века пустынных валунов клочок земли, свободный от мелких острых камней, он позволил телу относительный покой. Все порезы, рваные раны, растяжения, ушибы и потёртости тут же напомнили о себе. Под горячей выцветшей банданой пекли завитки ушей. Нос (если бы он мог рассмотреть свой нос) был похож на молодой картофель – он когда-то видел в одном поселении такой розовый клубень с шелушащейся кожицей поверх желтой крахмальной плоти.

Тряпица-скатерть ушла на повязку, поэтому еду он выложил прямо на землю. Ломоть черствого хлеба, пара тонких полосок солонины из мяса мохоеда, пучок съедобных лопухов, что сорвал неподалеку. Сделал несколько глотков из фляги. У теплой воды был металлический привкус. Некоторое время выискивал крошки по сокровенным углам сумы и меж её складок. Ничего не нашел, отложил суму, глянул в небо.

Солнце клонилось к Западу и готово было спрятаться за хвостом Дракона. Скоро сумерки превратятся в ночь, а ночь не время для странствий. Как и середина дня. И днем, и ночью смерть караулит на открытой местности. Ночью смерть рычит и скалиться из мрака со всех сторон, шипит из-под каждого камня, роет ловушки в пыли, а днем норовит изжарить путника между двумя раскаленными противнями – меж каменистой пустыней и безоблачным ослепительным небом.

Пора было идти. Нужно было найти ночлег засветло. Спрятал флягу, двумя лямками через плечи закрепил суму на спине. После отдыха нога разболелась пуще прежнего. Он двинулся вслед за Солнцем, вначале осторожно, но с каждым новым шагом привыкая к боли, пока не вошел в привычный ритм – четыре шага на вдох, четыре шага на выдох.

Тело его ослабло и повиновалось неохотно: давала знать недавняя схватка с дикими псами на пустыре между останками полудюжины развалившихся лачуг. Прежде пустырь был центральной площадью крохотного поселка. Теперь от жилищ остались лишь одноэтажные коробки, без крыш, с провалами окон и дверей. Мертвая деревня за Долиной слез.

Среди этих строений нашла себе пристанище семья диких псов. Десяток худых щенков, из которых через полгода в живых останутся один или два самых изворотливых пса, пять-шесть плешивых сук и два здоровенных кобеля – уверенный неспешный альфа и суетливый, агрессивный, непрестанно скалящийся бета.

Сказители поют о том, что в давние времена псов называли четвероногими друзьями человека. Количество ног с тех пор осталось без изменений, а вот отношение псов к человеку дружбой никак не назовешь. Между поселениями люди перемещались вооруженными группами. Караванами с нанятыми Охранниками и Носильщиками. Псы опасались, сторонились людей, охотились на мелкую дичь – кротомышей, мясных шершней, диких кур, – но одинокий путник для голодной стаи был реальной, а потому желанной добычей.

Псы не торопились нападать. Щенки заливались лаем с безопасного расстояния, брали жертву в круг и на испуг. Суки рассеялись и, крадучись, по одной заходили в тыл через левую руку. Кобели демонстративно отворачивались, потягивались и даже выгрызали из шерсти насекомых, словно их, кобелей, не касалась вся эта женская и детская суета. На самом деле, заняв правый фланг, просто выжидали самый подходящий для атаки момент.

Он аккуратно, без резких движений перетащил суму со спины на левое предплечье. Теперь у него появилась какая-никакая защита – тряпичный щит, который первым примет на себя клыки и когти. Неизменное оружие – почерневший от всевозможных трудов большой нож с обвитой веревкой рукоятью (приемный отец говорил, что этот нож родом из Эпохи Бунтов) – он, предвидя опасность, снял с пояса еще на подходе к заброшенному селению.

Такую предосторожность он взял за правило с первых дней путешествия, это уже не раз спасало его от неприятных приключений. Как будто приключения на равнине бывают приятными! Раскинув руки в стороны и даже привстав на носки, он постарался выглядеть значительно больше и опаснее, чем был на самом деле. Хотел было издать воинственный рык, но передумал: резкий звук мог не напугать хищников, а спровоцировать их нападение.

Пустырь нужно было миновать, не останавливаясь, не осматривая коробки строений. Здесь нечего было искать: все ценное наверняка унесли его предшественники. Не он один стремился к сказочной мечте, а тропа к ней пролегла через этот поселок, через Мертвую деревню. Многие из тех, кому посчастливилось дойти до цели, миновать Долину слез, должны были пересечь этот пустырь. Так что нужно было тихо разойтись с дикими псами и двигаться дальше своей дорогой.

Маленькими шагами, по дуге, вдоль строений, так, чтобы иметь возможность использовать стены как укрытие, он медленно приближался к западному краю бывшей поселковой площади. Оставалось последнее усилие, он даже вздохнул с облегчением и ускорил поступь. Что оказалось ошибкой. Псы восприняли это ускорение как бегство и ринулись в бой.

Суки попытались напасть со спины и опрокинуть добычу наземь. Были бы псы чуть менее трусливы, было бы расстояние для прыжка перед атакой чуть покороче, путь к мечте мог закончиться для него на этом пустыре. Но он успел развернуться и двумя быстрыми взмахами крест-накрест рассек две ближайšie оскаленные пасти. Раненые псы завертелись на месте, скуля от боли. Четыре оставшихся суки промахнулись и теперь, перебирая лапами, искали удобную точку для нового прыжка.

Кобели не прыгали, они атаковали по росту – в пах и живот. Спасла сума, но даже сквозь тряпичный щит он почувствовал на локте тиски собачьей пасти. Пырнул ножом не целясь, снизу вверх. Тиски разжались, стая лишилась еще одного бойца. Псы отступили, посчитав слишком дорогой такую плату за добычу. Самый проворный щенок не услышал приказ к отступлению и рьяно трепал вражескую голень. Получив удар наотмашь через морду поперек хребта, взвизгнул и умчался без оглядки оплакивать потерянное ухо и раненую спину.

Все это произошло в одно мгновение. Спустя миг, понесшая потери убитым и ранеными стая обиженным бессильным лаем провожала опасного гостя. Гость некоторое время пятился задом, лишь через сотню шагов за границей поселка вернул суму за спину, развернулся и перешел на обычный шаг, однако непрестанно поглядывал через плечо до тех пор, пока коробки строений не слились с горизонтом, а голоса псов окончательно не стихли вдали.

Вначале ярость битвы заглушала боль. Теперь же голень при каждом шаге напоминала о щенячьих клыках. Но появление псов на пути служило верным знаком: там, где обитают псы, пусть даже дикие, там неподалеку обитают и люди. Псы тянутся к сытым очагам, выживают только вблизи не покинутых поселений. Где-то впереди его ждет встреча с другой стаей – человеческой, а эти создания нередко бывают страшнее любых собак.

Короткий отдых все же принес пользу: идти стало не то чтобы легче, но чуть веселее. Возродилась надежда. Пробудилась с новой силой поугасшая за время пути вера в правдивость слышанных от других и спетых им самим легенд. Боль в ноге притупилась, прикушенный сквозь суму локоть совсем уже не ныл. Даже прибитый черствым хлебом и солониной голод отступил на время. Цель уже рядом. Может, совсем близко. Может даже случиться, что эти псы – стражи на границе с мечтой.

Солнце стремилось к горизонту, к той его части, где изгибался темной полосой Немой хребет – словно седой Дракон, что потерял интерес к этому искореженному миру и сонно вытянулся в тысячелетней пыли, чуть подвернув хвост. Весь его путь лежал вдоль этих древних скал – через холмистые долины, через каменистые пустыни, через мутные ручьи, еще не успевшие стать реками, через поросшие клочьями кустарников мшистые овраги, давно переставшие быть реками. Он и сам не мог объяснить, что послужило толчком к началу пути, что заставило его сделать первый шаг в неизвестность.

Песня перетекала в песню, история – в историю. Каждый новый сказитель что-то забывал, что-то добавлял от себя. Многое зависело от публики. Пьяные мужики в таверне ждали сыльных историй, и рассказчики говорили о доступных женщинах, об обнаженных телах и страстных оргиях. Люд на площадях жаждал крови и зрелищ, и актеры разыгрывали представления о лишениях и страданиях, о бунтах и войнах, о преступлениях и наказаниях. Детишки на ярмарках просили волшебства, магии, неразгаданных тайн и невиданных созданий, и певцы слагали песни о злых чародеях и хищных чудовищах.

Купцы в караванах брали сказителей в дорогу, чтобы те пели о несметных богатствах и древних сокровищах. Поселковая стража и купеческая охрана требовали песен о сражениях, и герои песен бились с врагами, со злом, друг с другом и всегда побеждали. Городские Набобы на свадьбах дочерей хотели слышать сказки о счастье и вечной жизни – почему же не рассказать им об этом? Просили смеха – сказители давали смех, просили слез – зрители получали слезы. Такова работа лицедея – делать лица, создавать нужную правду на потребу толпы.

Так из года в год тысячи ушей и сотни уст создавали удивительную легенду о далеком Городе. Городе, где сбываются мечты, где нет голода и едких ливней, да что там! – где нет самой смерти. Где все богаты, одеты, сыты, где никто не болеет и все живут вечно, а главное, для обретения всей этой благодати не нужно делать ровным счетом ничего. Нужно просто найти этот Город, нужно просто дойти до него.

Он и сам пел, рассказывал, придумывал, играл, добавлял яркие сцены, убирал скучные места и затянутые сюжеты. И однажды, пропев легенду о Городе в очередной раз, он сам повел в нее. Поверил настолько крепко, что, доев заработанную в таверне миску супа, набросил на плечи дорожную суму и отправился туда, где, по указанию всех вариантов этой сказки, должен находиться Город, – отправился вслед за солнцем вдоль бесконечного Немого хребта, от головы Дракона к его изогнутому хвосту.

Если бы он вел счет времени в днях, то с удивлением узнал бы, что сегодня разменял уже четвертую сотню. Но он измерял пройденный путь событиями, а не каким-то временем. События – это то, что оставляет след в жизни, в памяти, за что можно ухватиться, что приносит действительную пользу или наносит действительный вред. О времени можно лишь размышлять, оно нужно лишь для того, чтобы считать его безвозвратно утерянные части и даже малого представления не иметь о частях, оставшихся впереди. Так что для него время не имело значения. Этот мир вообще не терпел абстракций, этот мир любил конкретику.

Темнело быстро, что вызывало тревогу. На открытом пространстве ночью можно повстречать кое-кого и пострашнее диких псов. С темнотой на равнину выходили охотиться тени. Никто не мог бы рассказать, как выглядят тени, чем они опасны, как им противостоять, как от них спрятаться. Если кто из путников неосторожно отдалялся ночью от каравана, то просто пропадал – без каких-либо звуков, без каких-либо следов. Ни отпечатков лап, ни крови на камнях, ни брошенных вещей, ни локутов одежды – был человек, и нет его.

Чем меньше могли рассказать очевидцы, тем больше могли додумать испуганные слушатели. В местах исчезновений наблюдали только переливы серого и черного, игру теней – вот и все, что можно рассмотреть глухой ночью на расстоянии. Потому и прозвали загадочных похитителей тенями. И каждый рисовал зверя, добавлял деталей в меру своих фантазий и страха. Так что опасность скрывалась не только в ночной равнине, но и в головах путников.

Еще рассказывали о Жрецах таинственного храма, Последнего Храма, – о Миротворцах. Согласно легендам, такое прозвание заслужили они еще в Эпоху Воюющих Банд, когда семеро Жрецов, вооруженных одними посохами, защитили мирную деревню от сорока Разбойников. Разбойники обирали все поселения в округе, так что, защитив одну деревню, Жрецы спасли от разорения целый край. Благодарные жители поделились с защитниками запасами продовольствия и прозвали их Миротворцами. Скорее всего, эта легенда была эхом более древних сказаний, но название прижилось.

Он трижды встречал на пути этих странных одиночек в длинных, до земли, серых одеждах-сутанах. Встречал не на переходах, а в тавернах и на улицах селений. Каждый такой Миротворец действительно владел тонким гладким посохом длиной в человеческий рост. Посохи, несомненно, ковали искусные мастера. Все три жезла, что он видел в руках Жрецов по дороге, были украшены круглыми навершиями. Два крыла, каждое с ладонь, под которыми сплелись две змеи, завершали ансамбль. Посох Жреца – штука громоздкая и не очень удобная как для ходьбы, так и для сражений. Сами Миротворцы называли эти посохи кадуцеями.

Вокруг Жрецов ходило много слухов. Славой они пользовались недоброй. Побаивался их народ, пусть и называл Миротворцами. Мало кто осмелился бы подсесть к такому за столик в таверне и заговорить. А если кто отважный и задал бы вопрос Миротворцу, то вряд ли получил бы ответ. Молчаливые они были, людей не сторонились, но и к себе близко не подпускали.

Все чужое народ недолюбливает, наделяет всякими жуткими качествами, приписывает всякие недобрые свойства. Вот и про жрецов говорили, что только могли придумать. Что слу-

жат они каким-то кровавым богам (кто вообще помнил нынче о богах?), что живут все в одном горном Храме, который называют Последним, что проводят они омерзительные обряды, для которых отлавливают по ночам на равнине отбившихся путников. Так что встретить такого в одиночку меж поселениями все равно что повстречаться с тенью. А может, одно и то же.

Много более понятных, а потому менее страшных опасностей подстерегало путников на равнине. Ближе к подножию гор, меж каменных карьеров и холмов, обитали мягколапые сфинксы. Он видел одного такого издалека несколько переходов назад, когда обходил овраг горной тропой. Как большая лесная коша, только абсолютно лысый, без меха. Серая кожа сфинкса делала его неразличимым меж камней. Подкрадется такой в сумерках – и не заметишь. Но сфинксы держались в стороне от людей, предпочитая охотиться на отбившихся от стад ослабевших горных крабов или старых, менее шустрых броневепрей.

Еще из известных угроз ближе к устьям рек в земляных хижинах и скальных пещерах жили рыбоведы. Жили двумя-тремя семьями, собирали ягоды, делали запруды на стремнинах, чтобы легче было лапами вытаскивать из воды большущих серебряных рыб-голышей. Поговаривали, что эти косматые огромные звери были настолько разумны, что сами обустроивали борти в редких зарослях на склонах, где выращивали диких жужелиц и добывали медовый нектар. Не лезь к таким – первыми не тронут. Но если забредешь случайно к их берегам, заломают и кормят рыбам, чтобы сам тут не бродил и никому больше не мог раскрыть к ним дорогу.

Солнце неумолимо клонилось к Западу, приходилось шурить глаза, шагая вслед за Солнцем. Вот оно уже коснулось краем диска шипов на хвостовом гребне Дракона. Забагровела тонкая полоса закатного зарева.

- Не успел. Печально, - сказал он в закат.

Печально. Долгий путь окончен. Вряд ли ему повезет пережить эту ночь на равнине. Он зачем-то ускорил шаг, хотя теперь это уже было бессмысленно. Со стороны гор накатил холодный ветер. Он поежился, оглянулся по сторонам. В лунном свете равнина открывалась глазу на много шагов, но нигде не было даже намека на укрытие. Он твердо решил не останавливаться, идти всю ночь в сторону зарева. Может быть, суждено ему угодить в воронкообразную ловушку могильщика, или повстречаться с тенью, или попасть в лапы сфинкса, или быть затоптанным стадом броневепрей, или уготована роль жертвы в Храме Жрецов. Ну и пусть! Он встретит судьбу не дрожащим от страха на земле под походным плащом, а уверенно шагающим к своей мечте.

Зарево не угасало. Солнце давно уже скрылось за изгибом Немого хребта, но багровая полоска все еще мерцала на горизонте. Нет, не багровая – радужная. Станный закат, радужные переливы. Он забыл о боли, почти побежал. Он дошел. Он все-таки дошел. Он почти рядом. Радужные переливы! «И по ночам сияет радуги стена!» - строка из древней песни. Неужели? Весь путь - не зря. Мечты – не зря. Все – не зря.

Так – то бегом, то шагом – он двигался всю ночь в сторону радуги. Рассвет встретил в дороге. С первыми лучами сияние поблекло. Солнце вступило в права, затмевая иные источники света. Только сейчас он заметил, что бредет по накатанной земле. Прямая дорога уводила к окраинным домам селения. Города. Он все-таки дошел. Здравствуй, Город.

2.

Больше года он был в дороге, за это время миновал немало мест, в которых жили люди, ещё больше видел он мест, людьми оставленных. И везде в населенных краях, цепляясь за жизнь, мужчины и женщины обустроивали быт схожим образом. В каждом селении на дюжину и больше домов – в фермерской деревушке, в ремесленном поселке, в краевом центре, городке - можно было найти барахолку и продуктовый рынок, постоянный двор и публичный дом, игровую контору и камеру самоубийц, сигнальную башню и центральную площадь. И начи-

нался каждый обитаемый оазис на этих бескрайних безжизненных пустынях одинаково. Любая городская окраина встречала путников трактиром.

Первое, к чему стремились уставшие с дороги Купец, Трубадур, беженец, искатель лучшей жизни, - отпраздновать окончание пути яствами и возлияниями настолько обильными, насколько позволяли кошельки странников и запасы трактирщиков. Села и городки первым делом предлагали нехитрую стряпню, кислую брагу, которую гордо именовали элем, и самогон, настоящий на местных травах, чтобы перебить крепкий сивушный дух. Именно здесь, в трактирах, всех гостей делили на своих и чужих, а Трактирщики исправно осведомляли городских или сельских Стражников обо всем увиденном и услышанном.

Желудок напомнил о хлебе и солонине, гортань – о влаге. Все это было давно, еще до наступления сумерек, и всего этого было мало. Трактир, в который упирался накатанный путь, не имел названия. Да и зачем? Названия нужны похожим вещам, чтобы отличать их друг от друга. Если бы в Городе было много трактиров, то этот бы обязательно носил бы какое-нибудь название. Хозяин дал бы ему понятное, незатейливое имя, вроде «У дороги», или «Последнее пристанище», или «Конец пути». Но давать имена домам было бы безумным излишеством, странной роскошью. Да и читать нынче умели единицы.

Трубадуры облегчали себе работу, делая скудные записи на драгоценной бумаге, в нескольких знаках шифруя содержание целой истории. Лекари помечали на дощечках редкие составы травяных снадобий. Хотя с появлением всемогущих таблеток и мазей прочие снадобья ушли в прошлое. Лекари просто заказывали нужное количество у Почтальонов, а потом распродавали в своих поселках. Где брали таблетки и мази сами Почтальоны, никто не спрашивал. Но поговаривали, что их производили в Последнем Храме, да и сами Почтальоны весьма походили на Жрецов-Миротворцев, разве что кадуцеев при них не было.

Самые богатые Купцы вели учет товаров в больших пеших караванах. Говорят, что Пионеры составляли на бумаге карты новых территорий и делали надписи, помечая опасности равнины или новые поселения, но Трубадур никогда не видел ни самих Пионеров, ни их мифических карт. Их время прошло еще в Эпоху Руин. Чтение стало совсем не популярным мастерством. Просто потому, что читать-то было почти нечего, а писать было почти не на чем. И нечем. А дом Трактирщика всегда можно было узнать по широким створкам дверей и запаху пиццы. У каждой профессии были свои отличительные признаки.

Суровая жизнь на равнине выдвигала к людям лишь одно требование: умение выживать. Простые люди не читали книг. Редко кто знал даже такое слово – «книга». По слухам, за книгами охотились Миротворцы. Охотились, находили, уничтожали. Либо уносили в свой таинственный Храм. Даже обычная бумага была редкой драгоценностью, какие уж там книги. Все знания о настоящем и близком переходили к детям от родителей, а все знания о прошлом и далеком - от Трубадуrows. А самым лучшим учителем была сама равнина. С ее скудной почвой, редкой растительностью, сухими ветрами, ядовитыми тварями меж камней и хищной смертью, таящейся в безлюдных местах или приходящей со склонов Немого хребта.

Люди стали простыми, мысли у людей стали простыми. Людей окружали простые вещи, вещей было мало, поэтому названия у вещей тоже были простыми, общими, нарицательными – поселок, трактир, одежда, сума, еда, похлебка. Да и самих людей было мало, поэтому имена у них тоже были простыми – Трактирщик, Кузнец, Купец, Швея, Стражник, Шлюха, Лекарь, Трубадур, Миротворец, Дочь Швей, Сын Кузнеца, Первая, Вторая, Третья Жена... Бухгалтер. Если это тот самый Город, то в нем – и только в нем одном - есть Бухгалтер.

Одиноким посетителем расположился в углу зала. Ничего примечательного: борода, кожаная жилетка на голое тело, грубая деревянная трубка с коротким чубуком. Сейчас все курили трубки: их было удобно набивать дикорастущим крупнорубленным табаком. На столе стояла большая кружка, в каких обычно подают эль. Незнакомец кивнул гостю и тут же потерял к нему всякий интерес, снова утонув в облаке дыма.

Стойка бара была пуста – хозяин трактира отлучился. Оно и к лучшему: есть возможность передохнуть без лишних расспросов. Денег на эль и похлебку все равно не было, с хозяином он хотел договориться об угощении в счет будущих выступлений. Трактирщики, бывало, соглашались, бывало, отказывали, а бывало, и выставляли за дверь. Но это уже было не важно. Он готов был переночевать хоть на улице, хоть в клетке городской стражи. Главное, что каменная пустыня отпустила его – живым и почти невредимым. Вот только нога болела – голень дышала жаром. Надо обязательно выпросить у хозяина пару таблеток, а то пустяковая рана может привести к большой беде. Но он теперь в Городе, путь окончен, а значит, все в скором времени разрешится само собой.

Он тяжело опустился на скамью. Старые доски были до блеска натерты штанами посетителей. Привалился спиной к стене, даже хотел было закинуть ноги и прилечь, но передумал. Пахло едой, хмелем и дымом. После бессонной ночи, после отчаянного хромого гона по равнине трудно было держать глаза открытыми. Сомкнув веки, он, как всегда на отдыхе, стал перебирать в памяти истории о временах ушедших, забытых, о которых теперь известно больше вымыслов, чем правды.

Пиццерии, закусочные, сосисочные, пельменные, бутербродные, бургерные, чебуречные, рюмочные, пивные – все эти столовые, рестораны, пабы и бары – пустые нынче слова. Каждый наполнял их своими картинками, и чем шире были открыты глаза, чем крепче варила голова, тем ярче и гуще были краски. Он понимал, что все названия из песен и легенд соответствовали разной стряпне. Никто ныне и представить себе не мог, как выглядят они – эти загадочные пиццы, закуски, сосиски и бутерброды, что наливали в рюмки и что подавали к пиву. Предания о тех богатых продуктах эпох можно было услышать только из уст Трубадуров, — такова уж была их профессия, таково было их имя. Таковы были его имя и профессия.

Толпа любила песни про еду. После победы над врагом, в конце долгого пути, решив самые сложные головоломки, герой увлекательной истории обязательно должен был овладеть самой красивой женщиной, занять самый большой, чистый и красивый дом, а потом отправиться в одно из таких заведений. И там герой должен был долго есть. Очень долго и много есть.

Трубадур с большим удовольствием украшал истории на потребу слушателей. Это были общие места, когда можно было говорить или петь, не задумываясь, не напрягая память. Трубадур как бы вставлял в повествования готовые блоки – описания роскошных трапез, изысканных яств, утонченных напитков и золоченой посуды. Толпа многократно просила рисовать картины пиршеств, и рассказанная вновь и вновь история вызывала такую же радость и удивление, словно звучала в первый раз.

Речь текла сама, без запинок и пауз, легко и свободно. Трубадур пел о великолепных ресторанах, об удивительных Официантках, что работали в них. Он знал о такой профессии лишь понаслышке, а потому не стеснялся щедро добавлять множество выразительных деталей. Он рисовал их притягательными полуобнаженными гуриями. Про гурий никто не слыхивал никогда, поэтому такое сравнение шло песне только на пользу.

Официантки в его песнях были чистыми, милыми, ухоженными, причесанными девушками. Они вежливо улыбались героям и дамам в платьях (это слово он слышал еще в детстве и не особо понимал, что оно означает), выслушивали заказ, при этом обходительно угадывая все желания. И только для вида записывали названия блюд в своих бархатных блокнотиках золотыми карандашиками. Если публика состояла из взрослых слушателей, то трапеза героя и его красивой дамы всегда заканчивалась любовными играми прямо в зале ресторана. Официантки, конечно же, принимали в этих играх самое активное участие.

Особенно Трубадур гордился этими самыми золотыми карандашиками. Чтобы придумать такую яркую деталь, нужно быть настоящим докой в своей профессии. Годы ходил он по городкам и поселкам, вначале как Сын Трубадура (хотя не был настоящим сыном этого человека), а когда наставника поглотил могильщик, то ходил уже сам, совершенствуя мастер-

ство, рассказывая истории, не забывая при этом слушать. Ведь основа истории – это древнее предание, в котором действуют незнакомые герои в неизвестных местах. У героев странные имена, а помогают и мешают героям совсем уж невообразимые боги. Кому будут интересны эти фантастические сказки, раз нет там ничего близкого и понятного? Поэтому нужно было внимательно слушать и запоминать.

Вот Купец расскажет о злых бандитах на дороге в Лысом Краю, о коротком, но жестоком сражении четырех Охранников с бандой из десяти озверевших от голода человек, и герой из истории Трубадура и три товарища уже крушат головы бандитов в густом лесу шипастыми булавами. Вот Агроном расскажет о безжалостном рое мокши, что пробил крыши теплиц и погубил весь урожай, и герой в песне прикрывает огромным щитом свою даму от ледяных или огненных стрел, сыплющихся прямо с неба. Вот Пастух расскажет о большой стае злобных диких псов, что ночами режут поголовье кур и овец, и герой уже сражается с целой лавиной рыжих псов, призвав на помощь семью рыбоведов, стадо броневепрей и верного ручного говорящего сфинкса. Вот Кузнец расскажет о том, что выковал и заточил такой острый нож, что им можно легко брить мужчинам бороды, и герой Трубадура настолько искусно работает молотом по наковальне, что создает боевое жало для своего верного друга, смышленного и бесстрашного мясного шершня.

Героя могли звать одним из десятков различных имен – Прометей, Рама, Хануман, Тор, Святополк, Гильгамеш, Роланд, Сид, Зигфрид... Трубадур понимал, что все эти имена звучат эхом былых сказаний, что жили эти герои в разных поселках, а может быть, и в разных краях – не исключено, что даже за Немым хребтом. Оружие у героев тоже могло быть разное – пылающие мечи, саморазящие копыя, волшебные посохи, бьющие без промаха луки. Часто героев сопровождали верные спутники-оруженосцы или дрессированные послушные звери, которых герой умело и плодотворно использовал в бою против злых сил. И силы, что противостояли герою, тоже могли скрываться под разными именами: Демон, Джинн, Ракшас, Кощей, Дэв, Минотавр, Троль...

Но все эти имена и предметы составляли лишь основу сказания. Искусство же Трубадура заключалось в том, чтобы далекое и незнакомое соотнести с близким и понятным, чтобы связать сказку с былью. Толпа поверит даже в самые невероятные события, если бытовыми деталями, привычными происшествиями придать истории должную правдоподобность. Потому и гордился Трубадур своими золотыми карандашиками. Карандаш – вещь дорогая, редкая, но знакомая. А сделай карандаш золотым, и он станет волшебной палочкой.

А почему? А потому что – золото! Неужели вечно быть в цене этому металлу, пригодному лишь для изготовления драгоценностей и чеканки монет?! Неужели в веках не стираемо влияние золота на людей, его способность сеять зло и проливать кровь!? И неужели не коснётся никогда оно своим блеском карманов Трубадура!?

Во всех краях вдоль Немого хребта ходили золотые монеты одного чекана. Ходили – неверное слово. Золотые монеты просто были, некоторые их видели, а единицы ими владели. Разменять такую монету было бы совершенно невозможно – сдачу пришлось бы давать городами и деревнями, полями и стадами, самыми оснащенными мастерскими и самыми редкими вещами. Владели монетами люди исключительно богатые, у которых хватало еды, одежды и ножей на многочисленную охрану. Иногда монеты меняли хозяина после кровавых стычек, но чаще переходили по наследству, закрепляя владетельный статус наследника.

Золотые монеты были не просто деньгами, если вообще их можно было называть деньгами. Это были символы, почти мифы, полупоэтические предметы вождения и, возможно, поклонения. Быть хозяином такого чуда означало выйти за пределы этого мира, одержать победу над вечным голодом, над нищетой, над страхами равнины и суровым бытом селения.

Трубадур никогда не видел ни одной золотой монеты, зато его приемный отец видел однажды, когда ему выпало счастье развлекать гостей на пиру какого-то Набоба в дале-

ком-далеком краю. Имена людей из прошлого, пусть даже властных и богатых, ничего не говорили Трубадуру. Все имена оставались за спиной. Он никогда не бывал дважды в одном селении. Наставник передал эту традицию приемному сыну: всю жизнь идти по равнине в одну сторону - от головы Дракона к его хвосту, не оглядываясь, не поворачивая вспять.

Даже в самых крупных городах Трубадур не задерживался дольше года. Публика пресыщалась историями, народ становился скупым и грубым. Если Трубадур впадает в немилость к толпе, то вместо хлеба и мяса может получить в уплату за истории насмешки, ругань и тумачи. Поэтому мастерство Трубадура заключается не только в голосе, памяти, внешности, умении подать себя толпе, но и в понимании, когда пора сниматься с места и снова отправляться в путь.

И когда понимаешь, что эта деревня, этот поселок, этот городок отдали тебе все, что могли, нужно искать оказию. Одинок перемещаться между селениями крайне опасно, пусть и миновала давно Эпоха Воюющих Банд. Поэтому Трубадур всегда искал попутчиков - надежный купеческий караван. В дороге вызывался быть и Носильщиком, и Охранником, и, конечно же, развлекать Купцов песнями да историями. Лишь бы добраться до следующего населенного пункта в целостности и сохранности.

Чем больше людей и чем лучше они вооружены, тем безопаснее. Таково было правило пути. Один раз его приемный отец изменил этому правилу. Из одной деревни вышли Трубадур и его Сын, а в другую деревню пришел только Сын, превратившийся в Трубадура, после того как под ногами его наставника разверзлась воронка могильщика.

Приемный отец описал сыну виденную золотую монету. Отец рассказывал о монете часто, с удовольствием, в мельчайших подробностях. Золотая монета – это желтый диск такого размера, какого будет кольцо, созданное большим и указательным пальцами взрослого человека. Толщину этот диск, по словам отца, имел примерно такую, как обух черного ножа.

На древних монетах, которые иногда еще находили в Руинах, под слоями грязи, патины, ржавчины можно было различить хитрые рисунки и замысловатые надписи. Знающие люди говорили, что надписями обозначали номинал монеты (ее стоимость по отношению к другим деньгам или вещам), край, где эта монета имела хождение (раньше было много краев, их называли странами) и даты чекана (оказывается, прежде считали годы во всех краях одним и тем же образом). Рисунки на обратной стороне диска изображали всякое.

Могли быть кресты, венки, трезубцы, звезды, полумесяцы - древние символы, значение которых ныне было забыто и понятно разве что Жрецам из Последнего Храма. Могли быть звери или растения, и кто знает, какие из них действительно существовали в те времена, а какие являли собой лишь плод воображения. На монетах изображали портреты людей, скорее всего, успешных Купцов или владетельных Набобов. Могли чеканить какие-то странные конструкции, похожие на тачки Шахтеров, с колесами и без колес, с веслами и парусами. Трубадуры, сами себе не веря, поют о том, что герои при помощи весел и под парусами передвигались прежде по бескрайним равнинам, где вместо земляных холмов были водяные валы. Были монеты с рисунками невозможных зданий – с башнями, с десятками этажей, с острыми пиками или куполами вместо крыш.

На золотой монете, что описывал приемный отец, не было никаких цифр или надписей. С одной стороны, на реверсе, были отчеканены две фигуры. Мужчина и женщина были обнажены, стояли рядом и держались за руки. Они были невыразимо красивы, смотрели друг на друга с любовью, свободные руки отводили чуть в сторону, словно давая себя лучше изучить. С другой стороны, на аверсе, был изображен то ли спящий Дракон, то ли Немой хребет целиком, как его можно было бы увидеть, отделившись от скал поперек по равнине на огромное расстояние.

Трубадур так часто слышал от отца о золотой монете и рассказы эти были настолько восторженны, что юноша с открытой душой легко и быстро влюбился в этот манящий образ, в сияющую фантазию. Желтый диск с человеческой парой на одной стороне и Драконом на

другой стал его факелом в ночи, его солнечным диском над хвостом Немого хребта, его целью в пути, его мечтой на всю жизнь. Недостижимой мечтой.

Никто не знал, где чеканили золотые монеты, где была их родина. Так же, как никто не знал, где Лекари доставали таблетки и мази от всех болезней. Вернее, к Лекарям таблетки попадали просто – их выменивали у Купцов на другие товары или заказывали у Почтальонов. Купцы получали лекарство от других Купцов, и так по цепи, конец которой терялся в бескрайних просторах равнины. А Почтальоны тайн своих не раскрывали.

Но без таблеток и мазей невозможно было представить жизнь в поселениях, а тем более в дороге. Таблетки лечили все – воспаления, боли в животе и голове, отравления, слабость. Но таблетки не заживляли раны. Ожоги, переломы, гнилые зубы, порезы, ушибы и следы от укусов – для всего этого существовали мази. Что-то Лекари изготавливали сами, в чем и заключалось их ремесленное мастерство.

Все ремесла были больше, чем профессия. Ремесло определяло имя целой семьи: Лекарь, Жена Лекаря, Дочь Лекаря, Сын Лекаря. Дочери вырастут, станут Женами других мастеров. Отец выучит Сына, тот вырастет, станет Лекарем – никак иначе, у него нет другого пути. Редко кто прерывал династию, менял профессию, менял свою судьбу. Бывало, что бездетный ремесленник выкупал Сына (как правило, не первого) у богатого на детей мастера. Или мальчик за вознаграждение, уплаченное кем-нибудь отцу, уходил с караваном Купца, желая лучшей жизни, в надежде после обучения претендовать на место Охранника или Носильщика. Или же убегал тайком с Трубадуром.

Жизнь Трубадура полна тягот и невзгод. Его знания и умения настолько отличны от других ремесел, что в народе труд сказителей презрительно именуют не ремеслом, а искусством. Потому и не бывает у Трубадуrows династий. Годами может бродить сказитель от селения к селению, пока не встретит беспокойную, ищущую душу, в которой отзовется его песня, которая откликнется на его историю.

И если ремеслу отец начинал обучать сына с самых малых лет, как только тот сможет держаться на ногах, то с искусством Трубадура преемник начинал знакомиться лет с двенадцати, когда окреп голос, когда разум готов к новым знаниям, когда тело способно перенести превратности переходов по равнине. Терпение позволяет худо-бедно обучиться любому ремеслу, а вот для искусства одного терпения мало, нужен еще и талант. Много счастливых звезд должно сойтись в ряд в ночном небе над Немым хребтом, чтобы одинокий путь Трубадура разделит наследник его профессии.

Трубадур мало что помнил о своем детстве. А то, что помнил, было странным и даже невозможным. Трубадур помнил совсем другой мир – без равнины, без Немого хребта, без голода и без опасностей бесконечной дороги. В тумане прошлого были родители, были леса, большие города, странные машины и главное – было имя. Другое, настоящее имя, которое носил именно он, а не все представители одной профессии. Скоро парень перестал отличать эти детские «воспоминания» от обычных снов.

Годы до встречи с приемным отцом, перемешавшись с сюжетами историй, превратились в удивительную, но неправдоподобную сказку. Иногда Трубадур вспоминал кое-что новое, брал, словно картинки из сна, и вставлял в повествование, отчего его истории становились еще более красочными и притягательными для толпы. Может, именно за эти «воспоминания» и заприметил его новый отец и принял в свою семью. А может, взрослому отцу Трубадуру стало жаль одинокого ребенка, встреченного на главном тракте где-то недалеко от головы Дракона.

3.

Дом Трактирщика всегда можно узнать по запаху пищи. С этой мыслью Трубадур открыл глаза. Потому что запах пищи стал ближе. Хозяин трактира за стойкой цедил в кружку эль. На

сидящего в углу зала сказителя он не обратил никакого внимания, даже не поздоровался. Такие люди чувствуют наличие денег за версту, а у путника их явно не водилось. Но при этом Трактирщик и не гнал гостя за порог, что весьма радовало. За столиком Трубадур был уже не одинок. Бородатый посетитель в кожаной жилетке пересел к нему и теперь дымил трубкой напротив. Бородач пристально рассматривал сказителя, словно собирался его купить. Или побить.

- Ешь, - сказал бородач и подвинул под нос Трубадуру миску, от которой исходил пар (вот он, близкий источник запаха пищи).

Надо было бы спросить, за какие подвиги такая награда, но Трубадур не был настроен давать представления. Сначала можно было разобраться с похлебкой. А потом уже задавать вопросы. Дают – бери, такое правило, что может быть проще? Кивнув в знак благодарности, Трубадур взялся за ложку и не останавливался, пока миска не опустела. Теперь можно было и поговорить. Он с немым вопросом глянул на благодетеля.

- Добро пожаловать, - сказал бородач, когда Трубадур вытер грязной пустой сумой влажные губы и слезящиеся от дыма глаза.

- Меня зовут Трубадур, - представился сказитель.

Бородач кивнул, словно ожидал такого ответа. Трактирщик окликнул из-за стойки, сообщил, что эль наежен.

- Сходишь? – спросил бородач без лишней наглости, так что прозвучало, как уравнение в правах: «Я угощаю, ты приносишь».

Трубадур с готовностью согласился, но путь к стойке оказался исполненным мучений – давала знать рана на ноге.

- Досталось? – с участием спросил бородач, когда Трубадур, прихрамывая, доставил две пенных кружки к столу.

- Есть немного, - Трубадур почти упал на скамью, его голень горела и ныла. – Дикий щенок цапнул.

- Тебе нужны лекарства, - сообщил бородач. – Мы тут таблетки с собой не носим, нам без надобности. Спроси у Ворчуна. Он держит запас для тех, кто приходит с равнины.

- У Ворчуна? – переспросил Трубадур.

- Точно, у него, - улыбнулся бородач. – Так зовут трактирщика. Есть таблетки, Ворчун? Или мазь? Нашего гостя цапнул дикий щенок на равнине.

Трактирщик пробурчал что-то себе под нос, поискал немного и выложил на стойку пару серых пилюль.

- У меня нет денег, - признался Трубадур. – Он поверит в долг?

- Это подарок, - успокоил бородач. – Ворчун делает такой каждому пришельцу с равнины. Миска похлебки, кружка эля, лекарство при надобности.

Выходит, угощение – это не щедрость собеседника, а добрый жест Трактирщика. Хотя его же зовут иначе – Ворчун. Пора привыкать к странностям.

- Ворчун, - повторил Трубадур; таблетки он решил забрать перед уходом, чтобышний раз не издеваться над несчастной голенью. – Не привык я к таким именам. Бывало, и встретишь кого с редким именем, но только потому, что редкая профессия. А трактирщиков во всех селениях на равнине зовут Трактирщиками.

- Так то во всех селениях, - сказал бородач с пренебрежением. – В нашем все иначе. Нашего зовут Ворчун. А меня вот зовут Стервятник.

- В честь огромной птицы, что питается падалью в ущельях Немого хребта? – удивился Трубадур.

- Падалью! – рассмеялся Стервятник. – Что ж, можно и так сказать. Если называть падалью всякий хлам, что я собираю вдоль Радужной Стены. Тебе, кстати, неплохо бы обновить гардероб.

- Мне бы выступить раз-другой, - сказал Трубадур. – Где тут собирается народ? Где Трубадуру найти свою публику?

- Трубадура в таком тряпье никто слушать не будет, - пообещал Стервятник. – Приоденься, выспись, отдохни и ближе к вечеру можешь искать свою публику на площади у Ворот. Хотя... У Ворот вряд ли кто будет слушать Трубадура. Поищи вдоль Радужной Стены трактир с буквой «М» над входом. С наступлением темноты все горожане либо там, либо здесь, либо в лавке Кулинара, либо спят. Осмотрись. Привыкнешь

- Два трактира? Да, придется привыкать. А в этом трактире людей больше? – спросил Трубадур; он знал, что в любом поселении только два «хлебных» места – трактир и площадь, и раз тут не один трактир, то нужно выяснить, в каком больше посетителей.

- Нет, - Стервятник покачал головой. – Тут не бывает людно. Это трактир «на входе», так сказать. Для таких, как ты.

- И ты, - Трубадур улыбнулся через боль.

- Я здесь по службе, - Стервятник улыбнулся сквозь бороду в ответ. - Пообживешься и поймешь, что есть и пить можно везде. Здесь любое место – это площадь личной радости. Местных найдешь вдоль Стены. Только вначале приоденься. Поверю в долг. Есть образы на любой вкус. Могу одеть тебя бродягой, воином, купцом, бандитом, гостем из невиданных краев, героем твоих сказаний. Штаны с карманами, куртки с узорами, шляпы с широкими полями, сапоги с загнутыми носками. Плащи, накидки, украшения, оружие – выбирай без стеснения, о деньгах не думай.

- Откуда все это? – спросил Трубадур.

- Говорю же: собираю хлам вдоль Стены, - Стервятник подмигнул заговорщицки. – Моя лавка в конце улицы. Последний дом, зеленые двери. Не ошибешься. Заходи, как выспишься.

- Ворчун сдает комнаты? – спросил Трубадур.

- А зачем? – Стервятник пожал плечами. – Выбирай дом получше, если дверь не заперта, заходи и осмотришь. Если пыль недельной давности, значит, дом пуст. Заселяйся, живи, пока и твои вещи не станут хламом у стены.

- В поселке много пустых домов? – поинтересовался Трубадур.

- «В поселке»! – рассмеялся Стервятник. – Ты разве не ищешь Город?

- Ищу, - кивнул Трубадур.

- Тогда я первый говорю тебе: ты нашел то, что искал, - радостно сообщил Стервятник и растворился в клубах дыма.

Была бы это новость - Трубадур бы удивился. Может, расплакался. Театрально обнял бы Стервятника. Провозгласил бы тост за Город, к которому шел. Но он знал. Уже тогда, в хромом ночном беге по равнине навстречу радужному зареву, - знал. В битве с дикими псами за пару часов до этого – уже знал. Месяцем ранее, в Долине Слез, - тоже знал. В Мертвой деревне – тоже знал. Весь долгий путь вдоль Немого хребта – знал. С той самой базарной площади, где он пел о Городе, а потом, собрав мелочь и кое-какую снедь – плату за выступление, вышел вслед за Солнцем в сторону хвоста Дракона, чтобы не прерывать путь, пока не найдет Город, о котором пел. Уже тогда он знал, что будет здесь, и вот он здесь.

- Если это тот самый Город, тогда почему тут вообще есть пустые дома? - спросил Трубадур. - Разве не сплошным потоком идут к вам страждущие, разве не тянутся длинной вереницей сюда голодные, нищие, больные, авантюристы?

- Все в точку, все о тебе: голодный нищий больной авантюрист! - снова рассмеялся Стервятник. – Не хмурься, не хочу обидеть. Сам пришел сюда именно таким. Даже пострашнее тебя выглядел. Прятался от сфинкса в пещере на склоне. Ход завалил, чтобы до меня не добрался. Потом плутал лабиринтами наощупь. Видимо, там, в темноте пещер, меня и пробрало какой-то древней хворью. Когда на свет выбрался, то вид у меня был, словно я неделю под кислотным ливнем стоял. Кожа струпьями пошла, язвы мокрые, волосы так и лезут. В глазах муть, только

контуры и различаю. Не помню, как до трактира этого добрался. Ворчун три дня выхаживал, уйму пилюль на меня извел. Правда, Ворчун?

- Было дело, - пробурчал хмурый трактирщик.

- А сколько таких осталось в пещерах сфинксов, в воронках могильщиков, в желудках диких псов? – продолжил Стервятник со вздохом. – Так что многие идут, далеко не многие доходят. А главное – никто не возвращается потом. Иначе давно бы все поселения вокруг на год пути были бы оставлены. Но все странствия – в одну сторону, от головы к хвосту.

- Кто-то все же вернулся, - сказал Трубадур. – Иначе не было бы песен и сказаний.

- Если кто и вернулся, то вряд ли был щедр на рассказы, - заметил Стервятник. – Все, что ты слышал о Городе из песен, мало похоже на то, что увидишь здесь.

- Все равно иначе представлял, - признался Трубадур. – Город – это сказка, мечта, а мечта должна быть яркой, веселой, многолюдной.

- Сходи на площадь, вечером у Ворот увидишь много... людей, - Стервятник переместил чубук трубки в угол рта, отчего лицо его словно скривилось в брезгливой в гримасе. – А если бы ты мог заглянуть за Ворота, Трубадур, то встретил бы там всех, кто нашел этот Город с первого дня его явления. Вот такую песню я бы с удовольствием послушал, Трубадур. И не только я. Если бы ты спел нам о том, что там, за Воротами, то тебя закидали бы золотыми монетами. Либо закидали бы камнями. Тут уж трудно угадать. Но равнодушных слушателей такая песня точно бы не оставила.

- Расскажи мне о Городе. Начни с того, почему вы сами не можете заглянуть за Ворота, – попросил Трубадур.

- Можем, - Стервятник отмахнулся трубкой. – Однако из меня никудышный рассказчик. Скоро сам разберешься, на то ты и Трубадур. А я лучше попрошу нас еще эля у Ворчуна. В этот раз уже за мой счет.

- Погоди, - остановил Трубадур. – Не хочу налегать на эль. Давно не ел досыта, ночь бессонная – развезет со второй кружки, потом себя не соберу. А мне выступать сегодня. До выступления нужно Город обойти, понять, что тут к чему, для кого петь, о чем рассказывать. Эль у Ворчуна слишком густой и крепкий, никогда и нигде раньше такой не пробовал.

- Обычный эль. Другой не держим, - пробормотал Ворчун за стойкой с благодарной гордостью. Имя хорошо подходило ему.

Стервятник все же сходил к стойке и принес кружку эля себе и передал Трубадуру целебные таблетки от Ворчуна.

- Спасибо, - поблагодарил Трубадур трактирщика и тут же запил таблетки остатками эля. – Жаль, что нечего дать взамен. Но я обязательно вернусь, когда щедрость местных жителей избавит меня от безденежья.

- Город дает возможность разбогатеть другим путем, - подмигнул Стервятник. – Не скажу, что более легким, но точно более быстрым.

- В Мертвой деревне, у самого подножия Немого хребта, живет одиноко очень странный человек, - начал Трубадур с осторожным смущением; то, что он слышал в Мертвой деревне, больше было похоже на нелепые детские выдумки, чем на основу для новой песни. – Он говорит, что сбежал из Города два года назад.

Стервятник и Ворчун переглянулись со значением, Ворчун пожал плечами – не верю, мол.

- За последние два года Ворчун, кроме тебя, угощал еще троих, - сказал Стервятник после короткого подсчета на пальцах. – Четверых встретили, ни одного не проводили. – Ворчун кивнул в знак согласия. – Уходили многие, но в другую сторону, за Стену, через Ворота. Дураков, что желали бы повторно пересечь Долину слез, я не знаю. Знаешь, Ворчун? Нет? Вот и я не знаю. Как звали того чудака из Мертвой деревни?

- Его и поныне зовут, - исправил Трубадур. – Лекарь – таково его имя.

- Лекарь – это не имя, - отмахнулся Стервятник с веселым облегчением. – Так люди друг друга называют на равнине – по ремеслу. Жил бы в Городе, хоть немного, назвался бы по-другому. Сказочник твой Лекарь. Никому еще не удавалось дважды пересечь Долину слез безнаказанно. И что наплел тебе отшельник из деревни?

- Он рассказывал про Анкетную башню, - Трубадур стыдился собственной доверчивости, неловко было повторять истории, что оказались фантазиями неразумного старика. – Но я теперь понимаю, что все это бред.

Стервятник и Ворчун обменялись долгими взглядами.

- Не бред, - только и обронил Ворчун.

- А как выглядел этот Лекарь из Мертвой деревни? – спросил Стервятник.

- Низенький, сухой, глаза слезятся, руки дрожат, голос скрипит, как дверь на ветру, - описал Трубадур. – На носу золотая оправа со стеклами. Из-за этого золота я ему и поверил.

- Дока, - буркнул Ворчун.

- Он самый, - согласился Стервятник. – В последние недели в Городе он непрестанно сетовал на жизнь и портил всем аппетит. Не он один такой. Тут есть целая банда нытиков. Все им не так. Во всем видят лютное зло: и в людях, и в золоте, и в самом Городе. Шли бы за Стену, так нет! Мутят воду, народ смущают, новичкам прохода не дают. Так что берегись, Трубадур: наверняка скоро встретишь кого из этих, с придурью.

- Вот что скажу, - вдруг отчетливо вмешался Ворчун. – Они и есть зло.

- Без всякого сомнения! – горячо поддержал Стервятник. – Но Дока был не совсем такой. Ныл и причитал не меньше, да не про то. Как-то по-доброму, без ненависти. Говорил, что у каждого свой выбор. Обещал уйти из Города. Мы смеялись. Куда ему уйти? Кашлял, морщился, никакие пилюли не помогали. Потрепала его равнина основательно. Когда он просадил все свои деньги у Ворчуна, все, кто его знал, решили, что время пришло, что один путь – через Ворота, за Радужную Стену. А вон оно как вышло – Дока вернулся в Мертвую деревню.

- Так есть в Городе Анкетная башня? – спросил Трубадур.

- Что рассказывал о башне Дока? – ответил вопросом на вопрос Стервятник.

- Лекарь говорил о фантастических деньгах, о Бухгалтере, о его странных вопросах, - перечислил Трубадур.

- Башня есть, найдешь ее легко, - наконец сказал Стервятник. – Во всем остальном сам разберешься. Запомню тебя, Трубадур, чтобы узнать, какая судьба ждет это имя. Ищи ночлег, и жду тебя в своей лавке.

Стервятник резко встал, скамья под ним заскрежетала опорой по деревянному настилу, у выхода положил на стойку пару мелких монет из тех, что чеканят в Шахтерских поселках, где добывают медную руду. Таких поселков не так много на равнине. И монет не много, каждая из них – редкость, ценность имеет в зависимости от веса.

Вдоль Немого хребта ходят три вида медных монет: малая, размером с фалангу указательного пальца; средняя, величиной с глаз сфинкса или с брюшную пластинку броневепря; большая монета – в пол-ладони взрослого человека. Три малых – одна средняя, три средних – одна большая. Большие медные монеты были тяжелы, между поселками их носили редко. Путник брал в дорогу мелкие монеты, товары на обмен или – в исключительных случаях, если повезет, – брал серебро.

Десять больших медных монет можно было выменять на одну серебряную. Трубадур слышал о полумифическом очень богатом городе у головы Дракона, где добывали серебро и отличали редкие, а потому дорогие серебряные монеты. Большинство странников отправлялись за сытой жизнью именно туда, к голове Дракона. И лишь единицы держали путь в сторону хвоста, в поисках сказочного Города.

Ни на медных, ни на серебряных монетах рисунков не было. Никаких. Обычные диски, хотя некоторые знатоки по гурту могли сказать, в каком поселке чеканили ту или иную медь.

Сколько серебряных монет составляли одну золотую никто бы сказать не мог – такие расчеты никогда никто не стал бы производить. Золотая монета на равнине обладала абсолютной неразменной ценностью.

Рассчитавшись за эль, Стервятник затолкал чубук трубки в нагрудный карман жилетки, кисет с табаком сунул в боковой и направился к двери, но на пороге замер. Постоял, почесал бороду, о чем-то думая, и обернулся.

- А знаешь, Трубадур, вдруг прав был твой Лекарь, наш Дока, что отправился не к Радужной Стене, а снова по Долине слез. Все может быть...

Сказал и вышел. Трубадур попробовал встать, но голень отказывалась принимать вес тела. Лекарства начали действовать, отчего жар в месте укуса только усилился.

- Могу я отдохнуть в трактире, на скамье? – попросил Трубадур.

Ворчун в ответ равнодушно пожал плечами. Поиском дома можно заняться потом, когда Трубадур сможет встать и идти. А сейчас он может только одно – лежать и спать.

4.

Нога прошла. Лекарства Ворчуна оказались такими же крепкими, как его эль. Хотя нет, эль был несколько крепче – всего одна кружка отзывалась после сна головной болью. Или так напоминали о себе ночевки в Долине слез? Когда сон отпустил Трубадура, день уже подходил к концу. За единственным окном, выходящим на улицу из гостевого зала, снова серело, словно бесконечная ночь все еще держала мир в объятьях. Нужно было поторопиться, чтобы успеть до темноты осмотреть город, найти крышу над головой. Трубадур покинул трактир, пообещав Ворчуну вернуться в скором времени. Ворчун ответил равнодушным пожатием плеч.

Улица встретила невиданным чудом – мостовой. Хромой и уставший, он не заметил на исходе ночи аккуратные булыжники под ногами. В поселениях на равнине мостить дороги было некому и нечем. Тесать и пригонять друг к другу камни лишь для того, чтобы по ним дойти от трактира до базара, от кузни до грибной поляны, – никто не стал бы тратить на такое нелепое занятие силы, время, инструменты. Меж домами пространство утапывали еще тогда, когда эти дома строили. В период едких ливней все равно никто не выходил за порог, и мутные потоки вымывали улицы, избавляли поселки от мусора, хотя там, где ценен каждый клочок ткани, каждый кусок железа, всякая другая мелочь, мусора бывает крайне мало.

В Городе мусора было много. Старые тряпки, обломки каких-то механизмов, бесформенные комки, в которых Трубадур с удивлением распознал драгоценную бумагу. По обочинам дороги, на самой дороге, между домов и вокруг домов – везде был мусор. Мусор, который никто не убирал. Или, лучше сказать, вещи, которые никто не собирал.

Память предложила слово «дворник». Была, кажется, когда-то такая профессия. Были, наверное, родовые династии, в которых мужчины гордо носили это имя – Дворник, а дети щеголяли наследственными именами – Сын Дворника, Дочь Дворника. И на собрании ремесленных матрон женщины завистливо перешептывались: «Глядите, вон Пятая Жена Дворника идет». Ведь человек с таким звонким именем не мог иметь меньше пяти Жен.

Несомненно, богатые были династии. И сильные. Трубадур даже представить себе не мог, как дорого это стоило, какой для этого нужен был авторитет в поселении – получить исключительное право сбора всех тех вещей, что были оставлены, забыты, потеряны другими людьми. Любой мелочи всегда можно было найти применение, так что бесполезных вещей на равнине не существовало. Каждый обломок, каждый осколок, каждый лоскут шли в дело. Все могло пригодиться в хозяйстве или, в крайнем случае, отправиться на переплавку.

Трубадур подавил желание продолжить дальнейший путь на четвереньках, перебирая мусор и набивая суму удивительными находками. Он заставил себя смотреть по сторонам, а не под ноги. Но все равно то и дело нагибался и резким, вороватым движением подбирал с

обочины то нарезной болт, то пустую бутылку, то чуть начатый окурок скрученного листового табака.

Трубадур миновал два квартала и чувствовал уже за плечами основательную тяжесть, но никак не мог оторвать глаз от соковыищ улицы. Нагнувшись на перекрестье улиц за очередной находкой, он услышал над головой строгий женский голос:

- А если я сейчас позову стражу?

Женщина была взрослой, но не старой. Трудно было определить возраст. На равнине женщины рано становились Женами, старались не мешкая подарить своему поселку ребенка (редко – двух, еще реже – трех) и быстро теряли свежесть. Так устроен этот мир, так назначила сама Природа: у каждого своя высокая роль в извечной борьбе за выживание. Готовность и желание женщины к продолжению рода делает ее манящей, привлекательной для мужчины. Успеть нужно всего за несколько лет, пока суровая жизнь равнины не отняла здоровье у женщины, а значит, не лишила здоровья ее будущих детей.

Исполнив миссию деторождения, женщина-любовница становится женщиной-матерью. Ей незачем больше вызывать мужское желание, наоборот, это мешает материнскому предназначению, отнимает время, отвлекает женщину от воспитания потомков-наследников. Свежесть лица, гибкость тела, упругость форм – все это уходит в тот момент, когда Природа говорит женщине, что пора обратить внимание на другую сторону предназначения. Так увядает цветок, который уже опылили пчелы. В растении еще много жизненной силы, но направить ее нужно теперь не на цветение, а на созревание плода. Теперь пчел нужно не призывать, а отпугивать. Таков цикл, таковы законы Природы.

А мужчины, чье семя с годами становится только крепче, вынуждены направлять свои желания в другую сторону. В угоду требованиям Природы человеческое общество изобрело одну из самых трогательных, самых сложных профессий. Человечество изобрело Шлюх.

Некогда самых красивых, самых выносливых девушек отбирали для высшего предназначения – служить общими женами в храмах древних богов. Даже Трубадур, мастер слова, знаток человеческих душ, не мог в полной мере представить себе, какую душевную стойкость должны были иметь эти святые женщины, нарушающие в высоком служении своим фундаментальные законы Природы. Отказываясь от деторождения, от материнства, от естественного цикла ролей, жрицы как бы застывали в потоке времени, им нельзя было спокойно стареть. Наоборот, их профессия требовала долго не увядающей свежести, им предназначено было непрестанно вызывать мужское желание, улыбаясь, сохраняя бодрость духа и тела, радуя каждого.

Во все времена, даже до начала Эпох, люди ценили это ремесло, щедро одаривали служительниц уважением, статусом, почестями, монетами, а высшую степень мастерства называли особым словом – «целомудрие». Посвященные служительницы были обязаны «блюсти целомудрие», то есть стремиться к достижению высшей степени владения мастерством Шлюхи, что было записано в уставах соответствующих ремесленных домов.

Да и теперь во всех поселках Жена слывет тем более добропорядочной женщиной, чем большее количество монет из семейного бюджета выделяет мужу для посещения Шлюхи. Довольный муж – счастье в семье, это понимает каждая настоящая Жена. Многие Жены мечтают о такой завидной роли, но далеко не каждой это предназначено от Природы.

Женщине, что стояла сейчас перед Трубадуrom на перекрестке, вполне могла быть предназначена любая роль в мире равнины. Она могла быть Женой ремесленника, матерью его детей. Трубадур в каждом поселке видел эти отрешенные взгляды в толпе на площадях. Самые увлекательные истории лишь легким ветром касались ушей и душ этих женщин, потому что Жена всегда думает о муже, а мать всегда думает о детях. Незнакомка смотрела именно так – с интересом, но без глубокой увлеченности, словно часть ее души пребывала не здесь, а кем-то или с чем-то очень важным, в другом месте.

Шлюха, напротив, всегда думает исключительно о том мужчине, который сейчас рядом с ней. Искры в ее газах, тихий вздох на ее устах, легкий наклон головы, позы, жесты, слова – все говорит о ее желании, все возбуждает ответное желание мужчины. Таково тонкое непобедимое искусство Шлюхи. Трубадур осекся. Искусство – это пренебрежительное название его профессии. Шлюха – это самое что ни на есть высокое ремесло. И внезапно возникшее желание, резкое, неодолимое, подсказало Трубадуру, что незнакомка вполне могла быть и Шлюхой.

Высокие, выше колен, мягкие сапоги с тонкой ровной подошвой, короткая юбка в желто-красно-зеленую клетку, черная кожаная куртка, высокая грудь в разрезе пестрой блузы, темные волосы, собранные в тугий высокий пучок, – Жены на равнине одевались по-другому. Женщина была на голову ниже Трубадура, но смотрела, словно сверху вниз. Подбородок вздернут, тонкие губы чуть приподняты в уголках.

- Зовем стражу? – повторила женщина.

- С этими вещами кто-то расстался, - извинился Трубадур. – Не знал, что их сбор нарушает законы Города. Могу вернуть хозяевам или разложить по местам. Я помню, где что лежало.

- Вернуть хозяевам! – женщина рассмеялась чисто и звонко. – Вот уж будут удивлены добропорядочные горожане, если ты начнешь рассовывать мусор по их карманам! Итак, тебя зовут Трубадур, - незнакомка не спрашивала, она знала.

- Ты тоже хочешь узнать судьбу, ожидающую это имя? – Трубадур не удивился: сон был долгим, наверняка Стервятник уже рассказал всем, кому хотел, о прибытии новичка.

- Ты блаженный, - улыбнулась женщина.

- Может быть, - Трубадур пожал плечами. – Так мне сказал совсем недавно человек, которого зовут Стервятник.

- Которого звали Стервятник, - резко исправила женщина.

- Он умер? – не поверил Трубадур.

- Все равно что умер, - женщина помолчала. – Он ушел за Ворота.

- А ты Шлюха? – Трубадур знал, что начинать знакомство лучше всего с комплиментов.

- А что, так похожа? – спросила незнакомка без особой благодарности за откровенно льстивые слова. Но спину выгнула так, что Трубадура обдало жаром. И вовсе не из-за раны на голени.

- Красотой, одеждой, манерой держать себя рядом с мужчиной – весьма похожа, - подтвердил Трубадур. – Но я уже знаю, что в Городе людей именуют не по профессии. Мне Стервятник рассказал. Уверен, у тебя другое имя.

- Другое, - согласилась незнакомка. – Меня зовут Люба. Если подумать, имя другое, но с тем же значением: «та, которая любит» или «та, которую любят». Присмотрел себе дом для ночлега?

Трубадур за сбором полезных мелочей по обочинам совсем забыл о поиске пристанища, поэтому только покачал головой.

- И правильно, - похвалила Люба. – Незачем искать тут, на окраине. Лучше начинать от центра, от Радужной Стены. Будет ближе к Башне, к площади, к Воротам и... ко мне. Надеюсь, нет надобности объяснять Трубадуру, что вот это такое?

Женщина небрежно повела рукой за спину. Трубадур, как только оторвал взгляд от мостовой, заметил на поперечной улице этот памятник людям, что жили до всех Эпох. Такие стояли в некоторых поселениях. Древние, полуразрушенные, непонятного предназначения, они служили забавой детям и предметом для фантастических выдумок в устах сказителей. Некогда Трубадур давал представления в одном большом городе. Город был настолько большим, что даже имел название – Столица. Об Эпохе Столицы Трубадуры сложили много героических песен. Никто не скажет точно, какие слова в этих песнях несут правду, а какие звучат лишь для забавы толпы.

Выжившие после Большого Несчастья люди стали возрождать потерянный мир. Они собирались вместе, строили простые дома, селились вдоль Немого хребта, который так напоминал формами спящего Дракона. По ту сторону Дракона людей не осталось, там была смерть, там царило запустение. Со временем небольшие деревеньки в несколько домов появились повсеместно – от головы Дракона до самого хвоста. Люди жались к берегам ручейков и речушек, что бежали со склонов хребта.

В каждой деревеньке царил свой уклад, жители сообща изобретали законы, играли свадьбы, воспитывали детей, выбирали старост, осваивали ремесла. Где добывали руду, где тесали камни, где выращивали мохоедов и сучили шерстяную нить. Между поселениями наладили обмен. На смену Эпохе Руин пришла Эпоха Торговли.

Из деревни в деревню потянулись пешие караваны. Старосты и собрания в общинах стали выравнивать законы: то, что работало во благо, перенимали; то, что усложняло и без того суровую жизнь, упраздняли. Так во всех поселениях вдоль Немого хребта установился единый уклад. Появились первые Купцы и первые Трубадуры. А вместе с ними в оборот вошли маленькие чеканные или литые диски, на которые можно было выменять любой товар – медные и серебряные монеты. Купцов и Трубадуrow в деревнях встречали радушно, а вот других чужаков принимали неохотно, потому что с чужаками в поселение могла прийти беда.

Таблеток тогда еще не знали, человек со стороны мог принести новую болезнь, от которой не было спасения. А мог исчезнуть с украденными запасами, накопленными всей деревней, или привести злых людей. И таких злых людей становилось все больше с каждым годом. Десяток или дюжина крепких недобрых мужчин с дурными мыслями могли держать в страхе несколько ближайших деревень. Они отбирали плоды нелегкого труда, уводили самых красивых женщин, облагали данью Купцов.

При помощи ножа, недоброго сердца и подельников можно было в один налет отобрать все, что целая деревня добывала за год ремеслами, торговлей, животноводством и земледелием. Чем больше лентяев, изгоев, искателей легкой жизни собиралось вместе, тем больше поселений могли взять они под контроль. И вот настало время, когда людей с ножами стало слишком много. Нож пошел на нож, началась Эпоха Воюющих Банд.

Жить в поселениях стало почти невозможно. Банды воевали, несли потери, рекрутировали мужчин, совсем юных парней и даже женщин. Кузни больше не ковали плуги и лопаты, кузни ковали длинные ножи. Люди гибли в боях. Те, кто не хотел воевать за Атаманов Банд, прятались на склонах хребтов, где погибали от когтей сфинксов, под копытами броневепрей или в лапах рыбоведов. Некоторые уходили за Немой хребет, где наверняка гибли от наследия Большого Несчастья. Некому было выращивать хлеб, собирать плоды, ловить рыбу, ухаживать за скотом. Наступил голод.

Выжившие ждали избавления, и оно пришло в лице самого умного бандита, который сумел вокруг себя собрать самую большую, самую сильную, самую организованную банду. Лидер и его бойцы сначала наладили быт в одном городе. Слава о том, что появилось место, где существует хоть подобие мирной жизни, быстро разнеслась вдоль Немого хребта. Люди потянулись в этот оазис мира посреди пустыни войны. Город разрастался изо дня в день, в нем становилось все больше жителей, а значит, все больше рекрутов. Власть Лидера распространялась все дальше и дальше, все новые и новые поселения подчинялись ему. Город Лидера стали называть по старинке: Столица. На смену Эпохе Воюющих Банд пришла Эпоха Столицы.

Народ просит крепкого правления, когда вокруг царит хаос, но стоит век-другой провести в покое и достатке, как тот же народ начинает требовать послаблений. Лидеры старели и умирали, их Сыновья выросли, строили памятники своим отцам, а сами занимали отчее место. Но трон в Столице один, а Сыновей могло быть и двое, и трое. Мудрые Советники десятилетиями помогали хранить Сыновьям мир в семье, а значит, хранить мир на всей протяженности Немого хребта.

Но пришло время, когда мудрость иссякла, а глупость, жадность, злость и жажда власти, как всегда, потребовали кровавых жертв. Сын без трона возжелал на трон, но два Лидера никогда не уживутся в одной Столице. Одни быстроногие Глашатаи помчались к голове Дракона, другие – к хвосту. Глашатаи несли вести о несправедливости, о новых правах на трон, а значит, о новой войне. Почувствовав слабость Столицы, отдаленные поселения заявили о самостоятельности. Кузнецы снова начали во множестве ковать длинные ножи. Началась Эпоха Бунтов.

Теперь люди бились не за жен, детей, урожай, дом или поселок, бились не по прихоти Атамана Банды – теперь люди бились за трон для далекого Лидера в Столице, И в самый разгар жестоких распрей, когда поселения пылали вдоль всего Немого хребта, появились таблетки и мази. Лекарства от всех болезней. Купцы и Почтальоны разносили этот невиданный доселе товар по поселкам, и никто не мог бы сказать, где лекарства впервые появляются на свет, как таблетки и мази попадают в торговую цепь, связавшую (или сковавшую) все поселения вдоль Немого хребта.

Одновременно пошли слухи о странных золотых монетах, стоимость которых невозможно сложить в меди и серебре. Владельцами таких монет становились в результате боев, торговли, счастливой находки, кражи – как угодно, однако толком объяснить, как монета впервые попала в его руки не смог бы ни один ее обладатель. Обладание золотой монетой давало власть поистине магическую.

Такой счастливчик становился как бы вне закона. Ему доставались самые красивые Жены, самые крепкие Охранники, на него работали самые искусные ремесленники, а любые указы Лидера из Столицы были ему нипочем. Владельцы золотых монет не претендовали на власть, на чужое имущество, на чужих женщин – они и так имели все – свое и в полном достатке. Люди тянулись к ним, просили защиты и получали ее. Те, кто именовал себя Лидерами, со временем окончательно утратили власть над народом Немого хребта. Большой центральный город сохранил название, но растерял влияние на другие поселения. Так Золотая Эпоха сменила Эпоху Столицы.

Но в большом городе, что раскинулся по равнине где-то у самого брюха Дракона, сохранилось еще множество чудес со времен могущества и процветания. Одним из таких чудес был Музей, в котором по прихоти давно умершего Лидера, правившего одним из первых, были собраны всевозможные штуковины, произведенные магами-мастерами еще до всех Эпох. Когда Трубадур (в то время он был еще Сыном) помогал приемному отцу давать представление в Столице, он, конечно же, посетил Музей и вдоволь насмотрелся на тамошние диковины.

Следил за порядком в Музее маленький шустрый и очень веселый человечек. Звал он себя чудаковато – Физиком. Песен Физик не пел, но историй знал не меньше любого Трубадура. И все его истории были про удивительные «экспонаты» – так смотритель называл те самые штуковины, что были собраны в Музее. Про каждый «экспонат» Физик мог рассказать такое, что могло украсить – и украшало! – сказания о богах и героях прошлого. Наверное, все Трубадуры должны были побывать в Музее, чтобы наполнить правдоподобными подробностями свои песни.

Хотя многое из того, что рассказывал Физик, трудно было назвать правдоподобным. Кое-что Трубадур даже не подумал бы вставлять в повествование, потому что толпа на любой площади подняла бы рассказчика на смех. Можно петь о реках таких огромных, что у них не видно берегов. Но как можно врать народу о целых городах, что плывут по этим рекам вместе с людьми, растениями и даже животными? А над головами проносятся такие же города, только с крыльями. А под водой – тоже города, да побольше Столицы, с плавниками и хвостами, как у рыб. Как можно врать о круглом мире, о черной бездне, где круглых миров больше, чем камней на равнине? Как можно петь о гигантских животных на земле и таких же – под водой, о бескрайних городах, где люди могут прожить от рождения до смерти и даже не познакомиться друг с другом?

Но Физик говорил обо всех этих нелепостях уверенно и задорно, словно описывал свое детство в обычной деревушке у подножия Немого хребта. Он даже показывал книги с картинками, но Трубадур тогда лишь поразился мастерству и фантазии древних художников. Нынче живопись стала бесполезным, а потому вымершим видом искусства (или ремесла?). В Музее, вообще, были собраны тонны бесполезного ржавого хлама. Горестные останки великого некогда мира.

Древний памятник за спиной Любы был из разряда менее фантастичных, в такое мог поверить и сам Трубадур, и его невежественная публика. Кресла на колесах, телега, что катит сама. Да и выглядел этот механизм не таким уж древним – без ржавчины, с крашеными синими бортами, с блестящими деталями, словно его только вчера собрали искусные мастера. Не то что тот, почти такой же у Физика в Музее, что распадался на части от времени. Неужели Люба хочет удивить, заставив эту древность катиться по дороге без помощи людей? Что ж, фокусы Трубадур не любил, но их часто показывали представители его ремесла.

- Это мобиль, - сказал Трубадур, стараясь сохранить как можно более равнодушный вид.

- Совершенно верно! – улыбнулась Люба. – И мы поедem на нем к Воротам, чтобы по дороге выбрать тебе дом для ночлега. Заодно познакомлю тебя с Городом. Не побоишься?

- Очень кстати, - решил подыграть Трубадур. – После ночной битвы с дикими псами на равнине нога болит и быстро устает. Почему бы нам не прокатиться?

- Тогда залезай, - пригласила Люба и привычно, плавным быстрым движением, через борт, не открывая дверцы, впорхнула на одно из кресел мобиля.

Трубадур осторожно занял кресло рядом. Люба улыбнулась, положила руки на колесо, которое Физик называл рулем, и мобиль мягко и беззвучно покатил по дороге. Вот теперь настал час удивляться.

5.

Мобиль катил по мостовой, чуть подрагивая на стыках камней. По правую и левую стороны тянулись кварталы одинаковых домов – серые, в два этажа каждый, с небольшими окнами и плоскими крышами, дома производили такое впечатление, словно их собрал один мастер по одному рисунку. Физик называл рисунки домов чертежами. Трубадуры в песнях живописали Город иначе: пестрые улицы, кричащие цвета, гомон и шум радостной толпы, настежь распахнутые двери трактира, самые красивые на равнине Шлюхи в нарядных одеяниях, вечный нескончаемый праздник.

Люба, словно разгадав мысли сказителя, легко тронула его за колено.

- Когда-то здесь кипела жизнь, - вздохнула она. – В первые годы после того, как вспыхнула Радуга. Теперь на этих улицах редко кого встретишь. Большинство горожан сейчас у Стены, спят и пьют по домам, сидят по своим лавкам или расселились по фермам. Часть ушли к реке и осели там Рыболовами и Охотниками. Это те, кто пока решил остаться. Остальные ушли за Ворота.

Трубадуру тяжело было говорить: с такой скоростью наяву он несея над землей впервые. Во снах, которые были больше похожи на воспоминания, он совершал дела и почудеснее, но сны можно не принимать во внимание. Показывать Любе свое смятение он не желал, поэтому собрал силы и откликнулся как можно более уверенно:

- А что ж все эти искатели счастья, что стекаются в Город со всей равнины? Я ожидал встретить здесь процветающее селение со множеством ремесленников, торговцев и красивых женщин.

- Я для тебя недостаточно красивая женщина? – нахмурилась Люба, но тут же рассмеялась, как только Трубадур начал неловко подыскивать оправдания. – Как все просто у тебя:

для счастья нужны ремесленники, торговцы и женщины? Много полезных вещей под рукой и много женских тел для утех плоти? В этом твое счастье, Трубадур?

- На такой вопрос нет ответа, - насупился Трубадур. - Никто не скажет точно, в чем заключается счастье, пока не обретет его.

- Ошибаешься, Трубадур. В этом Городе тебе придется очень четко облекать свои мысли и желания в слова, - серьезно сказала Люба и сосредоточила внимание на дороге.

Трубадур тайком посматривал на женщину рядом. Или девушку? Сколько же ей все-таки лет? Ровная спина, гордо вздернутый подбородок, чистое, без вкраплений пыли, лицо – эта женщина совсем не походила на обитательниц равнины. Ее пальцы были длинными и тонкими, словно никогда не знали женского труда. Ее локоны, выбившиеся из пучка, парили на ветру пушистыми легкими перьями, а не свисали по вискам сальными нитями.

Люба точно не была Женой и вряд ли была Шлюхой. Скорее всего, Люба была одной из возлюбленных богатого Купца, а если судить по властному голосу, то могла даже входить в окружение владельца золотой монеты. И еще от нее пахло цветами, что было совсем уж невероятно. Этот аромат пробудил в памяти Трубадура размытые картинки, нечеткое эхо детства.

Встречный поток воздуха наконец развеял головную боль. Таблетки, полученные в трактире Ворчуна, излечили голень, сняли воспаление. Конечно, шрамы таблетками не излечишь, нужна мазь. Нужно будет заработать монет и узнать, где лавка Лекаря. Жить стало проще, вопросов стало меньше. Трубадур отдался течению судьбы, движению мобили и воле очаровательной спутницы. Будь что будет.

Сумерки сгущались, далекое зарево полыхало над крышами, превращая дома вокруг в разноцветные картинки. Трубадур уже знал, что так мерцает Радужная Стена и сами Ворота на восточной окраине Города. Больше года шел он к этой цели, каждое утро вновь собирался в дорогу, чтобы к вечеру прийти в новое поселение, дать представление, отдохнуть, а утром, выменяв еды на медяки, либо с караваном, либо – на свой страх и риск – в полном одиночестве вновь отправиться в путь.

Разное пели и рассказывали трубадуры о Городе. Очарованные мечтатели описывали всевозможные прелести этого места, гневные хулители-ненавистники предупреждали о страшных мучениях и верной гибели. И те, и другие изобретали коварные ловушки и предрекали непреодолимые испытания на пути. До всех Эпох люди верили, что по окончании жизни всемогущие боги либо вознесут в чертоги вечного блаженства, либо низринут в бездну непрекращающихся мучений.

И чертоги, и бездна имели множество названий в те далекие времена, Трубадур знал только некоторые из них: Элизий и Тартар, Ирий и Навь, Вальхалла и Нифльхейм, Эдем и Геенна. Причем не был уверен, что правильно произносит, соотносит и понимает древние слова. Но знал, что ад – это всегда тьма, а рай – это всегда свет. И где-то между светом и тьмой блуждают в сумерках люди, не ставя цели, не зная причин, не видя конца. Куда судьба выведет, туда и выбредут. Больше года назад Трубадур решил поставить цель – найти Город. И он его нашел. Станет ли для него Город раем или превратится в ад, этого Трубадур не знал. Но был уже в нескольких мгновеньях от главного ответа в своей жизни.

- Подъезжаем, - тихо сказала Люба, и Трубадуру показалось, что женщина и сама находится в таком же затаенном ожидании, словно и она впервые увидит сейчас площадь, Стену и Ворота.

Люба чуть прикусила нижнюю губу, глаза ее были широко открыты, в зрачках то играли радужные блики, то чернели провалы, руки излишне крепко сжимали руль. Она сбросила скорость, и теперь мобиль подползал к очередному перекрестку, как охотник-сфинкс подкрадывается к отбившемуся от стада броневепрю. Люба хотела, чтобы ее новый знакомый мог рассмотреть конечную цель своего пути не торопясь, во всех подробностях. Словно она понимала, как важен для Трубадура момент встречи с мечтой.

- Ты говорила, что здесь центр Города, - удивленно напомнил Трубадур, когда мобиль плавно вошел в поворот и вывез их на очень широкую улицу.

- Городской центр там, где Город родился и откуда начал расти, - ответила Люба. – Раньше города начинали расти от морских или речных портов. Или от вокзалов.

- О чем ты? – Трубадур знал эти слова, но никогда не наполнял их какими-то образами, конкретным значением.

- Не важно, - быстро и с легкой досадой сказала Люба, будто мама, которая забыла, что разговаривает с ребенком. - Это главная улица, мы называем ее Проспект. Проспект Ворот.

- Потому что ведет к Воротам, - кивнул Трубадур.

- Потому что упирается в них, - подтвердила Люба. – От них берет начало и в них обретает конец.

Когда мобиль повернул за угол, сумерки сгустились, стали плотными. Трубадур не увидел никакой площади, никаких Ворот. Только конец Города, только конец мира. Словно здесь прекращалась жизнь и наступала вечная беспробудная тьма. За последним рядом домов не было больше улиц, но и равнина тоже не начиналась. Проспект обрывался пустотой. Так казалось лишь миг, и вот тьма ожила смутным копошением. Волна радужного света выхватила в некотором отдалении волну движения, волну жизни.

Трубадур пока не мог рассмотреть массу людей у Стены. Мерцание то погружало окраину Города во мрак, словно съедало остатки лунного света, то возвращало картинку по частям – так морда могильщика появляется на дне его воронки-ловушки. И вместе с изображением приходил звук – тоже гулкой нарастающей волной. Свет и гул сочетались в едином ритме с движением людей на том конце площади. Цикл на два неторопливых вдоха-выдоха: нарастающие свет – гул – копошение, затихающие свет – гул – копошение. Словно оживило древнее сказание, в котором армия героя штурмует каменную стену легендарной крепости.

Только стена была не каменной. Стена тоже была соткана из света – то ослепительно белого, то мягкого желтого. От этого бело-желтого сияния вправо и влево простиралось без конца от земли до небес заграждение из мерцающей радуги. Именно это цветное мерцание и вело Трубадура ночью по равнине к Городу, к мечте. Мобиль двигался так медленно, что Трубадур даже не сразу заметил, что движения больше нет. Мобиль замер, но Люба все еще не снимала руки с рулевого колеса.

- Этот яркий свет и есть Ворота? – спросил Трубадур.

- Они самые, - кивнула Люба. – Сияющие Ворота в Радужной Стене.

- Что там происходит? – спросил Трубадур.

- Погоня за счастьем, - пожала плечами Люба. – Финальный этап.

- Словно толпа людей желает пройти, но их кто-то не пускает. Или что-то. Ворота закрыты? Или вход не для всех? – встревожился Трубадур.

- От заката до рассвета Ворота открыты всегда, - Люба вздохнула. – И пускают каждого.

- Тогда что делает толпа у Ворот? – удивился Трубадур.

- Именно то, что ты видишь: желает пройти, но не имеет такой возможности, - ответила Люба и, плотно сжав губы, тронула мобиль с места. – Трудно объяснить. Подъедем ближе – сам увидишь.

Город отвоевал у равнины большой кусок – больше, чем любое другое поселение вдоль Немого хребта, разве что Столица могла соперничать по размерам с этим местом. За последним рядом двухэтажных домов Город кончался, снова начиналась равнина. Безлюдное пространство, царство камней, диких животных и кто знает каких опасностей простиралось до самого кончика хвоста Дракона. И, наверное, много дальше. Но Радужная Стена скрывала эту часть равнины. Разрезала мир на две части. Одна из этих частей была пройдена Трубадуром, другая, неведомая, скрывалась за радужным сиянием. Так, наверное, в древности театральные кулисы отделяли сцену от зрительного зала. Или наоборот – зрительный зал от сцены.

Именно так Трубадур и представлял себе эти самые «кулисы»: складчатое покрывало из тяжелой пестрой лоскутной ткани, что свисает в трактире от потолочной балки до половых досок. Потолком служило глубокое темное небо, полом – земля равнины, «кулисами» - Радужная Стена и сами Ворота. Только вместо тяжелой ткани – переливы, всполохи, ритмичное мерцание света. Цветные блики выхватывали из ночи кусочки мозаики, которые складывались в картину странную, а потому еще более жуткую и гнетущую.

Многосотенная толпа действительно штурмовала Ворота – раз за разом, со стихийным упорством речных пиявок, что преодолевают течение, стремясь на нерест к горным истокам. Гулкой волной накатывались тела на световую завесу, соприкасались с ней ряд за рядом и рассеивались в стороны – в корчах, с криками физического страдания или глухого негодования. Когда последний ряд получал свою порцию боли, наступала относительная тишина, а потом гул зарождался, нарастал, достигал пика, превратившись в мучительные стоны, и вновь затихал до следующей волны.

Толпа то рассеивалась блуждающими единицами, то собиралась в единый кулак для нового удара по Воротам. Трубадур однажды видел, как рогахи атаковали сфинкса, крадущегося к их гнездам на склонах. Крылатые твари собирались в стаю, обрушивались на хищника небесной карой и взмывали вверх, чтобы вновь собраться в стаю. Так мокша, собравшись в рой, атакует караваны на равнине. Трубадур тогда даже пожалел несчастного сфинкса – раз за разом срывался он со скалы и кувыркался к подножью, беспомощно растопырив когтистые лапы. Толпа у Ворот цикличностью и слаженностью действий напоминала стаю рогачей или рой мокши.

- Что делают эти люди? – спросил Трубадур с крайним волнением. – Почему так страдают?

- Люди... – эхом откликнулась Люба. – Подъедем ближе.

Проспект Ворот растекся в площадь. Теперь они катили по немощеной, а только утрамбованной земле равнины. Трубадур не ждал, когда подъедут ближе, он уже видел. Не люди. Не совсем люди.

Вот маленькие поросшие мехом создания с длинными передними конечностями, с выпученными глазами на перепуганных мордочках. Вот существа с тонкими, как посохи Миротворцев, телами; их движения угловаты, резки, словно не живые движения вовсе, а смена статичных поз. Вот оплывшие, бесформенные пузыри, что не ходят, а перетекают с места на место. Вот даже на вид скользкие коренастые фигуры с плоскими рыбьими головами на толстых шеях. Вот размытые тени, что исчезают и тут же появляются в другой части площади, - так могли бы выглядеть зловещие и загадочные тени равнины.

Гладкая кожа, короткий или длинный мех, бронированные панцири, блестящая чешуя, руки, ноги, лапы, гребни, хвосты – все это различало существ у Радужной Стены, но при этом оставалось нечто общее, роднящее всю эту разрозненную толпу. Трубадур никак не мог уловить, что именно. Так кто же они? Все-таки люди? Или нет? Он задал этот вопрос Любе.

- А сам как думаешь? – Люба ответила вопросом и при этом глянула на Трубадура так, что он не стал торопиться с ответом. Люба оценила осторожность собеседника. - В этом Городе тебе придется очень четко облекать свои мысли в слова, - повторила она то, что говорила уже несколько минут назад.

Решив, что Трубадур видел достаточно, Люба резко заложила рулевое колесо так, что пассажир чуть не выпал из мобиля. Проспект Ворот и площадь остались позади, начинались узкие улочки, тоже покрытые булыжной мостовой.

- Едем ко мне, - коротко ответила она на возмущения Трубадура. – Свой ночлег найти всегда успеешь. А у меня давно никто не гостил. Тем более человек твоей профессии. Не против рассказать мне пару историй?

За долгий путь через селения Немого хребта Трубадур видел много людей, выступал в трактирах и на площадях, вел хмельные беседы, покупал любовь Шлюх, развлекал Купцов на караванных переходах, даже дрался пару раз, но при этом он совсем отвык от той близости, что возникает между людьми при взаимной симпатии. Люба нравилась ему, что ж тут скрывать. Оставаться в неведомом Городе, в чужом пустом доме в одиночестве – не самый лучший план на сегодняшнюю ночь. Он с радостью принял предложение малознакомой женщины – в надежде сблизиться, но не ради любовных игр, а чтобы больше узнать об этом легендарном месте от той, кто явно проживает здесь уже давно.

Все поселения равнины располагались вдоль единого пешего тракта, что тянулся от головы Дракона до самого его хвоста. За века всех Эпох дорога была утоптана ногами купеческих караванов, Трубадуrows, переселенцев, накатана деревянными колесами телег, что толкали или тянули Носильщики. Жилые дома, в зависимости от особенностей местности, могли располагаться и ровными улицами, и кругом по краю центральной площади, и в хаотическом порядке как со стороны гор, так и со стороны равнины. Но в любом поселении, по неведомо когда сложившейся традиции, в месте соприкосновения с единым трактом всегда был выстроен трактир.

Часто трактирные окна выходили на деревянные мостики, перекинутые через ручейки и реки. Бравшие начало в горах и растворяющиеся в бескрайних просторах равнины, эти потоки давали жизнь упрямым людям, что жались к воде и никак не хотели отдать, наконец, этот мир во власть другим существам. Вдали от горных склонов питьевая вода смешивалась с ядом осадков и испарений равнинной почвы, вода переставала дарить жизнь. Мостики сшивали пеший тракт в длинную ленту, которую никто еще не проходил от начала до конца.

Этот Город тоже начинался трактиром. Но, в отличие от других поселений, где нить дороги, лишь коснувшись неизбежного трактира, разматывалась по равнине дальше, Город служил тупиком, конечным пунктом. Здесь единый тракт превращался в Проспект Ворот и обрывался на площади у Радужной Стены. Трубадур не сомневался, что жилище его новой спутницы где-то в первом ряду домов, обрамлявших площадь. Однако мобиль, плавно покачиваясь на поворотах, увозил их вглубь ровных одинаковых линеек безлюдных улочек.

На равнине даже в самую глухую ночь, когда диск Луны истончался в серп, небо оставалось глубоким и щедро звездным. Никто не вышел бы на тракт, если на горизонте хотя бы намечался край облачного фронта. Встретить едкий ливень на равнине означало верную мучительную смерть. Только кожные пластины броневепрей или панцири горных крабов могли противостоять разрушительной силе капель. Медленные ветры неспешно толкали тяжелые тучи над крышами домов. Под крышами люди переживали опасность и в путь собирались лишь тогда, когда земля окончательно впитывала убийственную влагу. Шли из поселения в поселение под чистым небом, поэтому ничто не застиало звездные россыпи от глаз путника, которого ночь застала на дороге.

Небо в Городе было иное. Звезды, бессильные в противлении радужным вспышкам, скромно скрывались за кулисами сияния. Небо, затянутое бело-желтым светом Ворот, как сковорода богача слоем топленого масла, теряло глубину. Темная бездна превращалась в жесткий чугун. И эта чугунная сковорода ночи нависала над Городом, готовая придавить, смешать, ступить всех его обитателей, превратить пеструю толпу в одно бесформенное блюдо.

Улочка обрела заметный крен, теперь мобиль карабкался по мостовой вверх. Над крышами двухэтажных зданий в мерцающем полотне неба образовался черный прорыв, как дыра в лоскутном покрывале. Свет будто бы натянулся на незримую преграду и поспешно отступал, не желая связываться с превосходящим по силе противником.

- Что там? – спросил Трубадур, хотя не мог не догадываться.
- Анкетная башня, - подтвердила догадки Люба. – Обитель Бухгалтера.
- Нам туда? Твой дом рядом с Анкетной башней?

- Рядом, - кивнула Люба. – Насколько это возможно.

- Все сказания о Городе, с которыми я выступаю... выступал на площадях перед доверчивыми жителями, сходятся в одном: каждый путник, достигший Города, должен посетить Анкетную башню, - сказал Трубадур. – Именно она и есть конечная цель путешествия, сокровищница всевозможных благ и залог счастья. Ты везешь меня в башню?

- Ты посетишь башню, - подтвердила Люба. – Трижды. Но к Бухгалтеру я отпущу тебя следующей ночью. Сегодня мы отдохнем и поделимся друг с другом своими историями. Если ты не против.

- Хорошо, - не стал возражать Трубадур, план Любы на ближайшие часы вполне совпадал с его собственными желаниями. – Расскажешь мне, кого мы видели у Радужной Стены? Что произошло с этими странными... людьми?

- Это не люди, - вздохнула Люба. – Не совсем люди. Это чери.

6.

Дом Любы оказался последним в ряду почти одинаковых домов на мощенной улице. Дальше мостовая переходила в узкую тропу, на которой двум людям было не разминуться. Тропа взбиралась по склону холма к облаку мрака. Саму башню можно будет различить во мгле только с середины склона – так объяснила Люба. Трубадур невольно засмотрелся, как женщина, высоко взметнув носки сапог, нисколько не заботясь о длине клетчатой юбки, с грацией сфинкса покидает мобиль. Люба заметила завороченный взгляд.

- Говорю же: не стоит торопиться с визитом к Бухгалтеру, - улыбнулась она. – Проходи, дверь не заперта. Мы здесь не очень-то заботимся о сохранности личных вещей.

Шагнув за порог, Трубадур что-то задел ногой. По полу было разбросано множество неразличимых в сумерках предметов, Трубадур чуть не споткнулся об один из них. Голень, прокушенная щенком дикого пса, боднула тупой болью. Трубадур невольно застонал.

- Обувь, - так Люба объяснила шуршание подбитого предмета по полу. – У меня ее много. Ботинки, сапоги, тапки. Некоторое время назад в Городе жил Сапожник. Из тех чудаков, что держатся за свою профессию, не хотят менять имя. Долго жил, но здесь для всех исход один.

- Как и везде, - равнодушно заметил Трубадур, закусив губу, - боль в ноге только начала отступать. Трубадур мысленно поблагодарил Ворчуна за его таблетки.

- Как и везде, - чуть подумав, согласилась Люба. – Есть еще туфли на каблуке. Вот они мне достались не от Сапожника. Они - наследие одной милой Шлюхи. Так ты меня назвал, когда впервые увидел?

- На равнине так хвалят женщин, - смутился Трубадур. – За красоту. За желание, что вызывают в мужчинах.

- Я вызываю в тебе желание? – хитро прищурилась Люба, но тут же ее голос в мерцающих сумерках комнаты снова стал ровным. Она вернулась к теме. - Одежды тоже много. И белье есть. Я его не люблю носить, но оно у меня есть. Иди осторожно, смотри под ноги. Комната на первом этаже – для гостей. Кухня тут. Вон туалет, там же теплая вода, утром нагрела, думаю, еще не успела остыть. На втором этаже - спальня и мои шкафы с вещами.

Туалет оказался кстати. Крохотное помещение было без окон, поэтому дверь Трубадур не закрывал, чтобы блики из общей комнаты обрисовывали хотя бы контуры нужника. В полутьме Трубадур не сразу понял, что роль сточной дыры здесь выполняет стул специальной конструкции. На щелчок ногтем по ободку стул отозвался стеклянным звоном. И холод по ногам тоже пошел стеклянный. Хрупкая вещь, Трубадур старался быть осторожным и двигаться медленно. Присел, расслабился и, сам не заметив этого, задремал, спустя всего мгновение.

- Черпак и бак с водой по правую руку, - разбудил его голос Любы; голос звучал из комнаты.

Бак был теплым – под ним еще тлели угли. Пол покрыт таким же булыжником, как и мостовая на улицах Города. Трубадур подумал и, не спрашивая разрешения, разделся догола. Когда он опрокинул на голову первый черпак почти горячей воды, Люба, услышав плеск, крикнула:

- На рукомойнике возьми кусок мыла.

Трубадур послушался. Такого ароматного мыла он не держал в руках даже в Столице. Мыльные струи не превращались в озеро под ногами: в полу было проделано специальное отверстие для стока воды, а шершавые булыжники были пригнаны с едва заметным уклоном в сторону стока. На стене Трубадур нашел крючок, на крючке – отрез мягкой ткани. Он промокнул тканью плечи, после чего обмотал отрез вокруг бедер.

Одежда задубела от дорожной пыли, надевать ее на чистое тело не было никакого желания. Он перекинул рубаху, штаны и куртку через локоть. Нужно будет постирать завтра. А когда заработает немного медяков на площади, то обязательно сходит в лавку Стервятника за новой одеждой. Или без денег пойдет утром, Стервятник же обещал поверить в долг. Хотя какой Стервятник? Люба сказала, что он ушел за Ворота. Кому теперь принадлежит лавка? И поверит ли в долг новый ее хозяин?

Света стало больше. Теперь в комнате пылал примкнувший к стене кирпичный очаг. Дым уходил в трубу, что пряталась в стене. В некоторых поселениях на равнине обустраивали такие очаги. Обогреть дома не было необходимости – в узкой «живой» полосе между горами и пустошью не бывало слишком холодно, а соломенные крыши и глиняный пол неплохо спасали от жары.

Бывало, правда, слишком мокро - во время едких ливней - но изредка, не чаще раза в год, и ненадолго, всего на день-другой. Зима – так называли жители поселений период дождей. Зимой земля отдыхала после сбора урожая, сеять начинали только дней через двадцать после очередного ливня. Так что огонь в доме был нужен только для того, чтобы готовить еду под крышей в те дни, когда опасно переступить порог. Сложить из камней очаг было хлопотно, да и толку от него выходило едва-едва. Такие очаги были диковиной, но Трубадур все же видел один по дороге.

Теплые блики огня в нише одержали победу над холодным мерцанием Радужной Стены. Уютно трещали горящие дрова. Напротив очага по центру комнаты стоял приземистый и роскошно широкий мягкий диван. Люба забралась на него с ногами, сапоги были небрежно сброшены на пол. Женщина смотрела на языки огня. Когда Трубадур появился в комнате, она улыбнулась ему, не отрывая взгляда от очага.

- Спрашивай, - велела Люба.

- Кто такие чери? – Трубадур задал этот вопрос еще в мобиле, но Люба не ответила, потому что они как раз подкатили к дому.

- До всех Эпох на равнине жили большие звери, чем-то похожие на сфинксов: такая же крадущаяся грация, мягкие лапы, острые когти и большие клыки, - начала Люба после некоторого раздумья.

- Я знаю, - кивнул Трубадур. – Отец рассказывал мне. Они жили возле человеческих селений, воровали скот и детей. Их называли по-разному: львы, тигры, пантеры...

- Какое удовольствие говорить с Трубадуром, - Люба наконец оторвала взгляд от огня и подарила собеседнику улыбку. – Только так называли разных зверей. Они даже обитали в разных частях... равнины. Тигры жили в областях, что находятся восточнее...

- Ближе к голове Дракона, - кивнул Трубадур с пониманием.

Люба запнулась и некоторое время не могла подобрать слова.

- Пусть так, - наконец согласилась она. – Ближе к голове Дракона. Львы же населяли южные области.

- Там пустошь, - нахмурился Трубадур.

- Прежде все было иначе, - вздохнула Люба. – Львы были цвета равнинной земли, а тигры – словно цветы жгучеголовки и с черными полосами по телу. Львы и тигры даже могли иметь совместное потомство, если бы встречались. Но они жили в разных местах, поэтому их встречи были крайне редки. А уж если в результате таких встреч появлялось потомство, то это можно было бы назвать чудом. Подкинь дров, будь добр.

Трубадур с радостью выполнил это простое поручение. Стоять у спинки дивана без дела ему было неудобно. Хотелось как-то отблагодарить хозяйку дома, сделать для нее что-нибудь полезное – вот хотя бы подкинуть дров в очаг. Люба где-то на полу, из-под дивана, раздобыла пузатую бутылку и пару стаканов. Из бутылки, не вставая, разлила по стеклянным стаканам ароматную жидкость песочного цвета.

- Виски, - ответила она на вопросительный взгляд Трубадура. – Очень крепкий эль. Самогон.

- На каких травах? – спросил Трубадур с видом знатока.

- Нет там никаких трав, - Люба протянула стакан. – Только ячмень да солод. Древний напиток. Не лей сразу в горло. Возьми его «на нос», - и Люба показала, как брать виски «на нос».

Трубадур послушно засунул нос в стеклянную посуду. Пахло спиртом, дымом, землей и много чем еще. Люба лукавит – есть там какие-то травы, целый букет, разнотравье.

- И если случалось такое чудо, - продолжила Люба, пока Трубадур брал виски «на нос», - если у льва и тигрицы появлялось дитя, то его называли лигром. Лигр – это плод любви льва-самца и самки тигрицы. Двойственная природа, от двух разных начал. Чери у Ворот – они такие же – смешение видов.

- Наполовину человек, наполовину зверь? – догадался Трубадур.

- Нет, - Люба покачала головой. – Не совсем. Черь не зверь. Даже наполовину. Но и не человек. Ни то, ни сё, понимаешь? После Большого Несчастья наш мир пытался справиться с последствиями и стал выкидывать странные штуки. Может, чери – результат этих попыток.

- Они пришли с той стороны Немого хребта? – решил Трубадур. – Или со стороны равнины?

- Никто не знает, откуда они пришли, - ответила Люба. – Некоторые говорят, что они пришли с той стороны Радужной Стены. Только вопрос, зачем они бьются каждую ночь в Ворота, пытаясь прорваться обратно. Наш Город существует так давно, что уже обзавелся собственными преданиями. Не теми, которые вы, Трубадуры, исполняете на сельских площадях, а своими, для, так сказать, внутреннего пользования.

- В городе есть свой Трубадур?

- Нет, мы не поем песен, не ревнуй, - Люба подавила смех. – Мы просто говорим друг с другом. Прежде это называлось «распускать слухи». В местных сказаниях-слухах свои герои. Мы говорим о Воротах, о Радужной Стене, о черях, об Анкетной башне, о Бухгалтере.

- Расскажи! – потребовал Трубадур.

- Всему свое время, - мягко сказала Люба. – Кое-что ты совсем скоро поймешь сам, что-то расскажу я, но большую часть никто из нас не поймет никогда. Или поймет по-своему. У каждого своя история. Многие из них – заведомо выдуманные. Ты расскажешь мне свою. Я послушаю с удовольствием. Мы всегда внимательно выслушиваем новоприбывших, таких, как ты, - все местные когда-то пришли в Город, проделав длинный путь, каждому интересно знать, что изменилось в оставленном мире.

- Что же изменилось за последние годы? – спросил Трубадур.

- С момента моего прибытия до твоего появления в Городе? Ничего не изменилось, - ответила Люба. – Сколько бы не приходило новых людей и новых черей. Думаю, и ты не расскажешь мне ничего восхитительно нового.

- Чери тоже рассказывают свои истории? – удивился Трубадур.

- Чери не говорят с людьми, - призналась Люба. – По преданиям, вначале равнину рассекла Радужная Стена. Спустя годы в стене разверзлись Ворота. Либо Ворота существовали изначально, просто их нашли не сразу. Трудно судить, это случилось очень давно, еще в Эпоху Воюющих Банд. Или того раньше – в Эпоху Торговли. Так гласят легенды, но разве легенды можно назвать точным источником информации?

- Других нет, - отозвался Трубадур.

- Других нет, - согласилась Люба. – К Воротам потянулись люди. Вырос Город. А кто-то говорит, что Город был здесь до всего, даже до самой Стены. Кто-то верит, что Город возник по воле Жрецов из горного Храма в Эпоху Руин. Иные считают, именно чери отстроили наши дома и вымостили наши улицы. Но, скорее всего, чери появились в Городе много позже. Им нет дела до людей, до человеческих строений. Их царство за городской чертой – и со стороны хребта, и со стороны равнины. Они живут в сквотах – общих домах. Каждый вид – в своем сквоте. Мы туда не ходим.

- Опасно? – спросил Трубадур.

- Нет, не опасно, - вздохнула Люба. – Жутко. Бредешь между ними, словно в долине теней. Или наоборот - словно ты сам тень. Словно тебя нет. Чери занимаются своими делами, даже не смотрят в твою сторону. Обратят внимание, только если крикнуть прямо в уши. Или что там у них? Или если толкнуть... в плечо. Но трогать опасно – шарахаются, будто ты вырос из-под земли. Могут и махнуть... конечностью. Стервятник как-то полюбопытствовал, вот и получил в грудь от меховщика, еле уполз и потом долго синий ходил, никакие таблетки и мази от ушибов не помогали. А меховщику хоть бы что – двинул лапой и дальше ест.

- Меховщик? – переспросил Трубадур.

- Мы особо не мудствуем, называем их, как видим, - пояснила Люба. – Порос мехом – значит меховщик...

- Я заметил таких у Ворот! – вспомнил Трубадур. – У них еще очень длинные руки и большие глаза навывкате. На вид весьма добрые... существа.

- Добрые, - усмехнулась Люба. – Ворчун в трактире собирает рассказы о черях. В одной такой истории меховщик надвое разрывает броневепря, что отбился от стада и случайно оказался рядом с их сквотом. И этому рассказу можно верить.

- Жуть! – Трубадур передернул плечами, очень ярко представив себе эту картину: маленьких лохматый человек, запустив длинные пальцы меж пластин, разрывает надвое бронированного зверюгу и смотрит на кровавые половинки большими добрыми глазами.

- Если круглый и раздутый – значит, пузырь, - продолжила Люба. – Худой, как кочерга для очага, – значит, жердь. Еще есть прыгуны...

- Прыгают? – догадаться было не трудно.

- Прыгают, - подтвердила Люба. – Только не вверх и не вбок. Прыгают с места на место. Вот он стоит прямо перед тобой, а через миг он уже исчез и не знаешь, где появится.

Трубадур вспомнил, что видел в толпе и этих. Он еще сравнил их с тенями, неведомым ночным ужасом равнины.

- А как вы называете гладких и скользких? – спросил он. – с плоскими головами и широкими пастями?

- Называем пиявками, - сразу поняла Люба, о ком спрашивает Трубадур.

- Похожи, - согласился собеседник. – Трудно поверить, что равнина так изменила людей.

- Может, и равнина, - Люба долго смотрела в пустой стакан, потом плеснула себе еще, а когда Трубадур протянул свой стакан, плеснула и Трубадуру. – А может, и что другое.

- Что же? – Трубадур честно задумался, что же так могло переиначить человеческий облик, кроме Большого Несчастья и его последствий на равнине.

- Чери не обязательно должны были меняться, - после молчания сказала Люба. – Почему мы, люди, всех меряем на свой лад? Вот посмотри на тех же пиявок. (Трубадур сделал вид

что он внимательно смотрит на пиявок, Люба грустно улыбнулась). Наверняка, они пришли к Воротам из мира, где очень много воды. Их тела приспособлены для воды, разве что нет плавников и хвостов. Можно ли представить в нашем мире место, где так много воды? Чистой воды, в которой можно жить?

- Есть легенды про огромный океан, - напомнил Трубадур. – Про бескрайнюю водную гладь от края и до края. И на глади сей стоит город плавучий, а под гладью сей живет зверь могучий. Имя тому зверю – кит.

- Слышала я эту песню, и не раз, - отмахнулась Люба. – Город плавучий да кит могучий – это картинки из нашего прошлого, а все эти люди-пиявки да люди-жерди – они не оттуда. Вернее, не так... - Люба задумалась. – Словно у нас с ними разное прошлое.

- Разное прошлое? – совсем запутался Трубадур.

- Может, Большое Несчастье людей тут ни при чем, - Люба напустила еще больше тени. – Может, чери пришли к Воротам, спасаясь от своих Больших Несчастий.

- Если выпью еще немного, то, наверное, начну тебя понимать, - Трубадур беспомощно пожал плечами. – Почему они штурмуют Ворота? Легенды повествуют, что вход открыт каждому...

- Кто побывал в Анкетной башне, - закончила Люба. – Вот только Анкетная башня открыта исключительно для людей, а чери, как я уже говорила, не совсем люди. Им туда хода нет.

- Но зачем тогда каждую ночь они штурмуют Ворота? – повторил Трубадур. – Если все равно пройти не могут?

- Кто знает? – Люба вздохнула устало и глубоко. - Значит, есть какой-то шанс, есть какой-то смысл. Чери вполне разумны. Может, поразумнее нас. Некоторые носят одежду, некоторые едят с тарелок, разговаривают друг с другом, на свой манер. Ими движут не только инстинкты. Разве что внешний вид отличает их от людей. И все равно каждый вечер они выходят к Радужной Стене и не теряют надежды проникнуть за Ворота.

- Мой отец... - начал Трубадур, но тут же себя поправил. – Приемный отец рассказывал мне одну историю. Из древности. Якобы некий человек вознамерился обмануть саму Смерть...

- В этой истории Смерть – это отдельный персонаж? – серьезно спросила Люба. – Умеет говорить, решать и осязаемо взаимодействовать с людьми?

- В древних историях всегда так, - подтвердил Трубадур. – Если сказитель захочет, то и звери будут говорить, и Солнце спустится на равнину поболтать с человеком, и сама Смерть будет пить эль в сельской таверне.

- Поняла, - Люба кивнула. – Так что там с этим человеком? Удалось ему ввести в заблуждение столь изощренную собеседницу?

- Поначалу удалось, - ответил Трубадур. – Он то ли усыпил ее, то ли одурманил, опоил, то ли околдовал словами, то ли каким-то чудом отправил за Немой хребет.

- Не думаю, что за Немым хребтом Смерть обнаружила бы что-то новое, - усмехнулась Люба. – Так просто от нее не отделаешься. Вполне вероятно, что у нее там дом.

- Вот и у человека этого не вышло, - сказал Трубадур. – Но на некоторое время Смерть перестала выполнять свою работу. На равнине перестали умирать люди. Однако все взаимосвязано. Если никто не умирает, то никто и не рождается. Прервалась смена поколений.

- Кто-то уходит, кто-то приходит, - задумалась Люба.

- В наказание за такое коварство Смерть лишила этого человека своей милости. Он утратил возможность умереть, - продолжил Трубадур.

- Страшное наказание, - сказала Люба шепотом, без тени улыбки.

- И еще он должен был толкать камень по склону горы вверх, но у самой вершины камень срывался и катился вниз, - закончил Трубадур. – Звали этого человека Сизиф. Чери у Ворот похожи на Сизифа – тоже занимаются бесполезным делом.

- Кто-то ушел, кто-то пришел, - повторила Люба. – Не уверена, что толкать камень – это бесполезное дело. Кто знает?..

- Я прикрою окно? – спросил Трубадур. - Ночной ветер задувает огонь в очаге, а гул от Ворот не даст нам уснуть.

- Пора спать, - согласилась Люба. – Моя спальня наверху.

Трубадур затворил оконную створку, в комнате сразу стало тихо, лишь треск поленьев в очаге, скорее, создавал покой, чем нарушал его.

- Лягу на этом диване, - сказал Трубадур. – После камней равнины диван для меня – просто роскошь.

- Как знаешь, - Люба не стала спорить, настаивать и звать. Она встала, потянулась и, чуть шатаясь, направилась к лестнице. – Моя спальня на втором этаже, - повторила она на третьей ступеньке.

7.

Шорох на втором этаже быстро стих. Трубадур думал, что заснет, стоит лишь коснуться головой диванной подушки. Покрывало он тоже нашел на диване, в ногах, но не стал его разворачивать: оно было шерстяное, слишком плотное, слишком жаркое. Скинул с бедер полотенце на спинку дивана и голым растянулся на мягком бархате, который успел впитать тепло Любиного тела. Початая бутылка виски переливалась в бликах пламени причудливым многогранным камнем. Трубадур сомневался: он не спросил, можно ли пополнить стакан, но потом решил, что от двух-трех глотков не убудет. И даже с помощью виски он не сумел призвать сон.

Гул за окном, мерцающие всполохи – все это беспокоило, не давало сомкнуть глаз. Люба, наверное, просто привыкла засыпать под такое светозвуковое сопровождение. Трубадур замер и прислушался. На втором этаже – ни шороха. Значит, хозяйка дома спит. Он встал, походил по комнате. Постоял у камина, понаблюдал за догорающим огнем; потом – у окна, попробовал посчитать цвета радуги, понять закономерность их смены, но сбился. Подержал в руках бутылку, хотел плеснуть себе еще пару глотков, но подумал и не стал. Можно бороться со сном, но бороться с бессонницей бесполезно. Трубадур, преодолев брезгливое чувство, влез в задубевшие штаны. Брезгливость вызывало непривычно-чистое тело, а не привычно-грязная одежда. Вернее, несовместимое сочетание того и другого.

За порогом было прохладно и пусто. Одинаковые двухэтажные дома с двускатными гонтовыми крышами протянулись по обе стороны от мостовой, и было совершенно не понятно, какой из домов имеет хозяина, а какой заброшен. По отсутствию людей на улице Трубадур понял, что желание Любы жить поближе к Воротам и Радужной Стене разделяют не так много горожан. А может, Любин дом – единственный жилой дом на этой улице.

Осмотревшись по сторонам. Трубадур запомнил ориентиры. Последнее строение перед взбегающей на холм тропинкой. Не заблудишься. Сон так и не думал заглядывать в гости. Луна светила ярко, но мерцание Стены пеленой затягивало небесный свет. Тем не менее блуждать наощупь не придется. Из двух направлений – к Воротам или к Анкетной башне – Трубадур выбрал второе. И вот под подошвами походной обуви на смену гладким булыжникам мостовой пришли мелкие острые камешки. Анкетная башня одиноко возвышалась на холме, размеры которого Трубадур не мог оценить в темноте. Сам же холм расположился на пустыре за чертой Города.

Что Трубадур знал о Бухгалтере? Что помнил об Анкетной башне? Только то, что слышал от приемного отца, от других Трубадуrow, о чем сам рассказывал доверчивым слушателям. Ни одно сказание о Городе невозможно представить без главы о Бухгалтере. Традиция предлагала несколько вариантов, Трубадур мог выбрать любой.

Значения имени не знал никто. На равнине все имена обозначали профессию, но какой именно род занятий связан с именем Бухгалтер, оставалось загадкой. До всех Эпох на равнине (а по легендам, и за Немым хребтом, и в пустоши, и еще в невесть каких краях) проживало так много людей, что для них не хватило одного языка. Люди говорили на нескольких разных и не всегда понимали друг друга. А когда люди не понимают друг друга, не знают взаимных намерений, они злятся, строят домыслы и могут причинить друг другу вред. Может, именно поэтому и произошло Большое Несчастье. Если бы язык был один, как сейчас, если бы люди слушали, слышали и понимали один другого, то все могло быть иначе.

Отец как-то упоминал, что в некоем древнем забытом ныне языке имя «Бухгалтер» было связано с книгами. То ли «хранитель книг», то ли «владелец». И даже себя отец иногда называл с улыбкой «Бухгалтером», потому что владел одной книгой. Книга перешла к Трубадуру по наследству и до сих пор лежала в его походной суме.

Истрепанный томик с неприлично затершейся обложкой, на которой невозможно было различить ни рисунок, ни название. Страницы книги почти истлели, листать их нужно было с крайней осторожностью. По этой книге отец выучил читать Трубадура. О чем повествовала книга, Трубадур так и не смог разобрать до конца. Почти все слова были понятны, но, пригнанные одно к одному, понятные слова создавали странный незнакомый орнамент, рисовали мир чужой и расплывчатый, как игра теней в сумерках.

Бухгалтер – хранитель книг, так говорил отец, но Трубадур имел сомнения: отец вполне мог придумать все это для красоты историй, ради лишних медяков на площадном выступлении. Были и другие варианты легенды. И чем больше было представлено в истории неправдоподобных подробностей, тем больше восторженного свиста собирал ее рассказчик на площадях.

Самой простой, а потому достоверной легендой представлялась Трубадуру следующая. Некий Купец в поисках более щедрых покупателей и более выгодных продаж и обменов миновал последнее поселение равнины и, углубившись в безлюдные земли, уже собирался повернуть назад, но остановился на ночлег вместе с караваном, состоящим из Носильщиков и Охранников. Ночью прямо перед их глазами возникла чудесная радуга, что рассекла равнину надвое – Радужная Стена. Отдельный участок радуги слепил бело-желтым сиянием. Этот кусок Стены Купец назвал Воротами. Почему – трудно сказать.

Эта же легенда повествует о том, что Купец вернулся в заселенную часть равнины, распродал или выменял на инструменты и еду все свои товары и снова отправился к Воротам с детьми, Женами и многими наемными людьми, чтобы возвести здесь Город. Для себя лично он построил Анкетную башню, в которой собрал большую библиотеку, за что горожане и прозвали его Бухгалтером.

Когда отец Трубадура рассказывал именно этот вариант легенды, он всегда добавлял одну трогательную деталь, вводил еще одного персонажа – Сына Купца. Радужная Стена, что выросла в ночи перед изумленными путниками, разделила не только равнину, но и семью, отрезав Купца от его Сына. Поэтому и построил Купец Город у самого хвоста Дракона: он не в силах был покинуть это место и долгие годы искал способ проникнуть за Ворота и найти Сына.

Сам Купец этого сделать не мог – Ворота не пускали его. Но зато пропускали всякого, кто получил купеческое благословение. И вот год за годом, день за днем посылал Купец-Бухгалтер все новых и новых гонцов, чтобы отыскать своего Сына. И многие соглашались выполнить это опасное задание, потому что Бухгалтер не скупился на деньги и щедро одаривал своих посланцев. Но никто из них не возвращался. Однажды Трубадур слышал эту легенду от собрата по профессии, но в другом исполнении: за Воротами оказалась Дочь Купца, а не его Сын.

В более фантастическом изложении Купец не строил Город, а просто повелел Воротам создать улицы и дома, топнул ногой, и в тот же миг за спиной Купца вырос Город с людьми и строениями. Иногда появлялась некая Дева Ворот, которая влюбилась в Купца и полностью

повиновалась его велениям. Иногда Дева Ворот влюблялась в Охранника, или Носильщика, или Сына Купца, или...

Самые смелые сказители вообще лишали основателя Города человеческих качеств. Он был не Купцом, не Бухгалтером, а творцом Ворот и Радужной Стены и духом этого места. Злым духом или добрым – зависело от характера и настроения Трубадура и от желания толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.